

Л. А. Герд

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ ПАТРИАРХАТ *и* РОССИЯ

1901 / 1914

Лора Герд

**Константинопольский
Патриархат и Россия. 1901–1914**

«Индрик»

2012

УДК 94 (47)
ББК 63.3 (2) 5

Герд Л. А.

Константинопольский Патриархат и Россия. 1901–1914 /
Л. А. Герд — «Индрик», 2012

ISBN 978-5-91674-233-6

Книга посвящена церковным аспектам русской политики в Балканском регионе. Общность веры с христианским населением Османской империи была сильным преимуществом России в ее борьбе за преобладание в Восточном Средиземноморье. В течение первых десятилетий XX в. Россия не предпринимала серьезных попыток радикальных политических изменений на Ближнем Востоке – ее лозунгом было сохранение статус кво в восточном вопросе. Единственным большим успехом русской дипломатии в этот период стало формирование Балканского союза в 1910–1912 гг., который должен был поддержать дальнейшее продвижение России в сторону проливов и Константинополя.

УДК 94 (47)
ББК 63.3 (2) 5

ISBN 978-5-91674-233-6

© Герд Л. А., 2012
© Индрик, 2012

Содержание

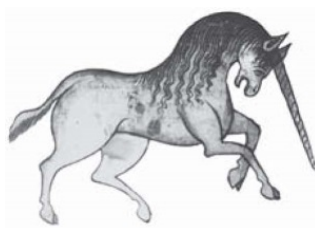
Введение	6
Русская политика на Балканах в 1901–1914 гг. Общий обзор	11
Борьба балканских народов за Македонию	12
Политика России на Балканах. Сотрудничество с Австро-Венгрией	17
Русско-австрийские попытки реформ в Македонии в рамках Мюнцихтского соглашения	19
Боснийский кризис 1908–1909 гг.	25
Подготовка Балканского союза в 1911–1912 гг.	28
Византийское наследие в русской общественно-политической мысли начала XX в.	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сноска 10 стр 17
Лора Александровна Герд
Константинопольский
патриархат и Россия 1901–1914 гг.

Российская академия наук

Санкт-Петербургский институт истории

Греческий институт Филологического факультета СПб ГУ

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 12-61-01400)

Рецензенты:

чл. – корр. РАН *И. П. Медведев*

д. и.н. *Е. Ю. Басаргина*

Введение

Во второй половине XIX – начале XX в. Ближний Восток и Балканы являлись ареной соперничества западных держав – Англии, Франции, Австрии (Австро-Венгрии), Германии с одной стороны, и России – с другой. Постепенное ослабление и распад Османской империи открывали великим державам широкие просторы для колониальной экспансии. Обширные территории, крупные торговые порты Восточного Средиземноморья – все это привлекало внимание держав. Данный регион представлял особый геополитический интерес ввиду того, что через него лежал путь на Восток – к британским владениям в Индии, а также к странам центральной Азии и Китаю. Ключом к этому пути был Константинополь и проливы Босфор и Дарданеллы, соединяющие Черное море со Средиземным. Помимо конкуренции западных держав между собой, главное препятствие для их устремлений на Ближний Восток представляла Россия, которая со второй половины XVIII в. имела собственные интересы в регионе.

Получив в результате русско-турецких войн 1760-90-х гг. выход к Черному морю, Россия осознала своей первостепенной задачей обеспечение свободного доступа в море Средиземное, что давало ей возможность открытия новых торговых путей и экспорта сырья. Кроме соображений экономических, перед Россией лежала стратегическая задача: обширные южнорусские территории нуждались в обороне от посягательств со стороны Турции и европейских соперников. Поэтому преобладание в проливах и районе Константинополя стало для России первоочередным направлением в ее южной политике; путь к осуществлению этой перспективной цели лежал через Балканы.

Противостояние между Россией и западными державами за обладание проливами и Константинополем, господство на Балканах и в Восточном Средиземноморье определило все содержание политики на Ближнем Востоке в течение двух столетий и получило название восточного вопроса. На его решение были направлены военные и дипломатические усилия заинтересованных государств. Традиционно в историографии рассматриваются только военно-политическая и экономическая стороны восточного вопроса и при этом, как правило, недостаточно учитывается или вовсе игнорируется его важная религиозная составляющая¹.

Ближний Восток являлся перекрестком религиозно-политических интересов христианских государств еще со времен Средневековья. Иерусалим, Гроб Господень был центром паломничества еще с первых веков нашей эры. Обладание Палестиной стало заветной целью европейских правителей. Крестовые походы, направленные на освобождение Гроба Господня от сарацинов, привели к образованию нескольких государств на Ближнем Востоке, управляемых выходцами из Западной Европы, и первому серьезному столкновению интересов Запада с самым значительным в то время государством Восточной Европы – Византией. Захват Константинополя в 1204 г. положил конец старой системе монополии Византийской империи и явился началом новой эпохи национальных государств на Балканах. По мере политического ослабления Византии и особенно после окончательного завоевания Малой Азии и Балканского полуострова османами консолидировалось и возрастало Русское государство. Получив от Византии христианскую веру, Русь восприняла также ее универсалистскую госу-

¹ Восточному вопросу и проливам в политике великих держав посвящена большая литература. См.: *Успенский Ф.* Как возник и развивался в России Восточный вопрос. СПб., 1887; *Дранов Б. Л.* Черноморские проливы. М., 1948; *Jelavich B.* The Ottoman Empire, the Great Powers and the Straits Question, 1870–1887. Bloomington; London, 1973; *Idem.* St. Petersburg and Moscow: Tsarist and Soviet Foreign Policy 1814–1974. Bloomington; London, 1974; *Sumner B. H.* Tsardom and Imperialism in the Far East and Middle East, 1880–1914. London, s. a.; *Saul N. E.* Russia and the Mediterranean. Chicago, 1970; *Княгина Н. С.* Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX в. М., 1994; Россия и черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М., 1999; *Жуков К. А.* Некоторые узловые моменты русско-турецких отношений в конце XVII – начале XX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2009. Сер. 13. Вып. 2. С. 10–22; *Луиева Ю. В.* Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне Первой мировой войны (1907–1914). М., 2010; и др.

дарственно-политическую идеологию. Византия традиционно считала себя наследницей Рима, который был обладателем всего культурного мира-ойкумены. Константинополь именовался Новым Римом, а жители восточной части империи называли себя ромеями, т. е. римлянами. Римская государственная идеология получила новое наполнение с принятием христианства как государственной религии; теперь все варварские народы рассматривались Константинополем как потенциальные объекты миссионерской политики. Крещение варваров сопровождалось их вовлечением в сферу византийских политических и культурных интересов, а в дальнейшем могло привести к включению этих территорий в состав империи².

Византийская имперская политическая концепция была полностью воспринята на Руси. После падения Константинополя в 1453 г. окрепшее Русское государство осознало себя преемницей Византии. Эти идеи нашли идеологическое обоснование в теории Москвы – Третьего Рима, поначалу носившей эсхатологический характер. Определенное политическое звучание теории византийского наследства получили во второй половине XVII в., когда постепенное продвижение России на юг привело ее к прямым столкновениям с Османской империей, и перспективы выхода к Черному морю стали реальностью.

Моральное право России считаться наследницей Византии в течение XVI–XVII вв. подтверждалось как восточными патриархами, так и многочисленными представителями духовенства, приезжавшими в Москву за пожертвованиями. В XVIII в. имперские амбиции России приобрели более отчетливые формы и направление, а к началу XIX столетия, казалось, приблизилось их осуществление – овладение Константинополем и проливами.

Между тем в начале XIX в. произошло формирование национальной идеи греческого народа, которая через несколько десятилетий переросла в знаменитую Великую идею – идею воссоздания Византийской империи и объединения всех исконных греческих земель в одном государстве со столицей в Константинополе. Первым практическим шагом в ее осуществлении была греческая революция 1821 г. и образование независимого Греческого государства. Если до начала XIX в. греки видели свое освобождение от османского ига только с помощью русского оружия, то в XIX в. они опирались больше на поддержку западных держав, в первую очередь враждебной России Англии. Результатом было столкновение двух имперских амбиций, двух претензий на восстановление Византийской империи – великодержавной русской и национальной греческой³.

Середина – вторая половина XIX в. – время формирования самостоятельных государств на Балканах и расцвета балканского национализма. Идеологической опорой для этих тенденций было образование национальных, независимых от Константинополя автокефальных церквей, что, как правило, сопровождало государственному отделению от Османской империи, а иногда и предвещало его. Провозглашение автокефалии Элладской церкви в 1833 г. (признана Константинополем в 1850 г.), Румынской в 1865 г. (признана в 1885 г.), Болгарской в 1870 г. (признана в 1945 г.), Сербской в 1879 г. – вот основные этапы этого процесса. Происходило разрушение основного принципа организации восточно-христианского мира в составе Османской империи – системы миллетов, т. е. немусульманских общин, пользовавшихся автономией. Восстановление и образование национальных автокефалий, имевшее прецеденты в поздневизантийскую эпоху, происходило самыми разнообразными путями, встречало сильное противодействие со стороны Константинопольского патриархата, зачастую десятилетиями не признававшего ту или иную автокефалию и даже не остановившегося перед объявлением раскола в

² Концепция византийского содружества государств, образующих православную ойкумену, разработана в классической монографии по этому вопросу: *Obolensky D. The Byzantine commonwealth. Eastern Europe. 500–1453. London, 1971*; рус. пер.: *Оболенский Д. Византийское содружество наций. М., 1998*. Идеальная схема, построенная Оболенским, в последнее время пересматривается. См. исследование о византийской миссионерской политике: *Иванов С. Л. Византийское миссионерство. Можно ли сделать из варвара христианина? М., 2003*.

³ *Петрушина О. Е. Греческая нация и государство в XVIII–XX вв. М., 2010. С. 371–518.*

отношении Болгарской церкви. Реакция России и Константинополя на эту национально-политическую борьбу в ее конфессиональном ракурсе, оперирование понятиями церковного права и средневековыми шаблонами византийского и османского времени для прикрытия чисто политических целей является интереснейшей и все еще недостаточно исследованной страницей истории дипломатии и политического сознания конца XIX – начала XX столетия⁴.

Приняв на себя роль покровительницы восточных христиан, Россия наполняла все свои стратегические и политические инициативы в направлении Ближнего Востока религиозным содержанием: оправданием этих инициатив была поддержка православия. Таким образом, Иерусалим и Константинополь становились двумя объектами особого внимания русской политики – первый как главная святыня христианства, второй как символ христианской монархии. Старая средневековая идеология, как хорошо осознавали русские дипломаты XIX в., была незаменимым политическим орудием в руках России, тем орудием, которое давало ей неоспоримое преимущество перед западными державами: стержнем всей ближневосточной политики была опора на единое православное население Османской империи. Вместе с тем она же являлась источником политического ослепления и ошибок, которые постепенно привели Россию к потере своего исключительного влияния на дела православного Востока. Рыцарской военно-политической авантюрой в духе Крестовых походов была предпринятая Николаем I Крымская война; возвращение Гроба Господня в руки православных обернулось для России трагическим поражением и потерей черноморского флота. Не менее донкихотской была постоянная щедрая и, как правило, бескорыстная материальная помощь восточным патриархатам и монастырям. Исходя из общего принципа поддержки православия на Востоке, русское правительство отпускало ежегодные громадные суммы для церковных учреждений Ближнего Востока, причем отчет в расходовании этих денег требовался далеко не всегда, и зачастую они использовались не по назначению. Постоянная дипломатическая помощь, которой пользовались восточные церкви со стороны России, также исходила из соображений содействия притесняемому в Османской империи православию в противовес католической и протестантской пропаганде.

Во второй половине XIX в., умудренное опытом Крымской войны и неблагоприятной для России ориентацией всех балканских государств, из которых некоторые совсем недавно получили освобождение силой русского оружия, русское правительство начинает изыскивать новые методы политики на Ближнем Востоке и решения восточного вопроса⁵. Идея Третьего Рима в царствование Александра III приобретает иную конфигурацию – теперь на смену славянофильской идеологии приходит политика национальная. Византийская идеология в 1880–90-е гг. становится преобладающей в русской политике; она нашла обоснование в публицистике и переживавшей подлинный расцвет русской школе византийских исследований. Российская империя, утверждали теоретики русского неовизантизма конца XIX в., является единственной великой державой, имеющей православного царя; со временем она призвана господствовать над всем православным миром, включающим в себя Восточную Европу, Балканы и Ближний Восток. Однако неблагоприятные международные обстоятельства принуждали ее выжидать и собирать свои силы для будущего решения восточного вопроса, когда осуществится мечта всей русской политики – восстановления единого православного царства.

⁴ См.: *Arnakis G. G. The Role of Religion in the Development of Balkan Nationalism // The Balkans in Transition / Ed. by B. and Ch. Jelavich. Berkley, 1963. P. 134–135; Clogg R. The Greek Millet in the Ottoman Empire // Christians and Jews in the Ottoman Empire: the Functioning of a plural Society. Vol. 1. The Central Lands / Ed. by B. Braude, B. Lewis. N. Y., 1982. P. 185–207; Kitromilides P. M. «Imagined Communities» and the Origins of the National Question in the Balkans // European Historical Quarterly. 1989. Vol. 19. № 2; Kraft E. Von der Rum Millet zur Nationalkirche in Südosteuropa im Zeitalter des Nationalismus // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2003. Bd. 51. Hft. 3 S. 392–396; Макарова И. Ф. Болгары и Танзимат. М., 2010.*

⁵ *Жигарев С. Русская политика в восточном вопросе (ее история в XVI–XIX веках, критическая оценка и будущие задачи). Историко-юридические очерки. М., 1896. Т. 1–2.*

К началу XX в. в этой стройной внешнеполитической концепции появляются трещины: с одной стороны, активизируются сторонники немедленных действий в ближневосточном регионе, с другой – энергично разрабатываются планы политики на Дальнем Востоке. Уже тогда для многих было очевидным, что перенесение акцентов русской внешней политики с Ближнего Востока на Дальний, с таким энтузиазмом разрабатывавшееся С. Ю. Витте и его сторонниками, не было правильным. Поражение в русско-японской войне и революция 1905–1907 гг. показали со всей очевидностью не только ошибочность этого направления для внутренних дел государства, но и его пагубность для ближневосточной политики. Затянувшееся бездействие России на Балканах привело к ее самоустранению от дел в Восточном Средиземноморье. Вооружившись все тем же мечом объединения православных народов, в 1911–1912 гг. русское правительство добилось создания Балканского союза, который, однако, оказался далеко не столь послушным указаниям из Петербурга, как хотелось его инициаторам. Балканские государства, стремившиеся сами овладеть Константинополем и проливами, были остановлены Россией, которая не желала видеть другого хозяина на берегах Босфора, кроме себя. Пик имперских притязаний России и развития византийской идеологии пришелся на годы Первой мировой войны, когда осуществление мечты казалось уже почти свершившимся. Революция 1917 г., однако, привела к крушению этих планов, а вместе с тем и к концу византизма в русской политике.

Сравнивая период начала XX в. с предыдущими двумя десятилетиями после русско-турецкой войны 1877–1878 гг., нельзя не отметить все большую политизацию византийской идеологии в сознании русской правящей элиты; церковно-политическая идея Третьего Рима теперь из предмета научных исследований и теоретизирований становится программой для практических действий и прямой агрессии в ближневосточном направлении. С другой стороны, очевиден все больший разрыв между грандиозностью замыслов и возможностями их практического осуществления: громкие имперские лозунги с претензией на господство над всем православным Востоком и шаблонные фразы касательно помощи православию находятся в противоречии с политическим бессилием перед лицом враждебных балканских государств и стоящими за их спиной европейскими великими державами. Отдельные успехи дипломатии и даже в целом успешная постоянная работа по укреплению русского влияния через русские учреждения на Востоке – такие как Императорское Православное Палестинское Общество, русское монашество на Афоне и за его пределами, конечно, приносили свои плоды, но были лишь островками на фоне общей малоблагоприятной для России ситуации в восточном вопросе. Кризис достиг крайней точки к середине 1910-х гг. и разразился Первой мировой войной.

Настоящая книга является продолжением нашей работы по изучению церковной политики России на православном Востоке в конце XIX в.⁶ Ее целью является проследить дальнейшее развитие византийской идеологии в русском общественно-политическом сознании и влияние этой идеологии на политику на Балканах и Ближнем Востоке. Вторая задача работы состоит в восстановлении на основе неизданных архивных документов из российских и зарубежных архивов малоизученных или вовсе не известных страниц истории отношений России и Константинопольской церкви в начале XX в. Исследование политики России в пределах Вселенского патриархата проводится по основным направлениям, которые сформировались еще в предыдущий период: это непосредственные контакты русского правительства с патриархией и ее главой – патриархом; позиция России в таких важных для Константинополя проблемах, как боснийский церковный вопрос, отношения с султанским и младотурецким правительствами; участие русской дипломатии в поставлении сербов на македонские архиерейские кафедры патриархата (ускюбский церковный вопрос), отношения с Англиканской церковью. Особое вни-

⁶ Герд Л. А. Константинополь и Петербург: церковная политика России на православном Востоке (1878–1898). М., 2006.

мание уделяется русской церковной политике в годы подготовки Балканского союза, Балканских войн и времени до начала Первой мировой войны. Отдельные главы посвящены наиболее крупным церковно-политическим сюжетам: центральному для Балкан греко-болгарскому церковному вопросу, главному камню преткновения для русской дипломатии после 1872 г.; русскому присутствию на Св. Горе Афон и русскому монашеству в Дечанском монастыре в старой Сербии. Хронологические рамки монографии определяются началом правления Иоакима III (1901), патриаршество которого составило принципиально новый этап в истории Константинопольской церкви, и вступлением России в Первую мировую войну в июле 1914 г. Некоторые линии церковно-политических отношений выходят за пределы 1914 г. и продолжаются вплоть до 1917 г.; в отдельных случаях мы позволяем себе проследить их до логического конца. Сосредотачивая свое внимание на балканском регионе и Константинополе, мы оставляем за пределами исследования участие России в контактах Вселенской церкви с другими восточными патриархатами, Элладской и Кипрской церквами. Отчасти мы делаем это сознательно: отношения России и православного Востока за пределами Константинопольского патриархата заслуживают отдельных исследований, а история русской политики в Иерусалимском патриархате на протяжении последних десятилетий успешно разрабатывается целой группой исследователей⁷.

⁷ Лисовой Н. Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М., 2006; см. также статьи Р. Б. Бутовой, И. Ю. Смирновой на страницах журнала «Палестинский сборник».

Русская политика на Балканах в 1901–1914 гг. Общий обзор

На рубеже XIX и XX столетий Балканы были одним из самых напряженных регионов Европы. Освободительная борьба балканских народов происходила на фоне острых противоречий между этими народами за раздел территорий. Общая взрывоопасная ситуация усугублялась борьбой великих держав за сферы влияния при подготовке будущего раздела османских европейских владений. Неудивительно, что Балканы, этот «пороховой погреб Европы», занимали значительное место в политике Англии, Франции и, в первую очередь, России и Австро-Венгрии. С конца XIX в. усиливается германское влияние на Османскую империю. Постепенно Германия, официально выступавшая гарантом неприкосновенности Турции, заняла господствующее положение в ее экономике и военной области. Получив концессию на строительство Багдадской железной дороги, германское правительство прокладывало себе дорогу в сторону Персидского залива и открывало простор для дальнейшей экспансии. С проникновением германского капитала в турецкую экономику России удавалось только отклонять наиболее опасные для нее проекты – например, прокладку северного варианта Багдадской железной дороги на Диарбекир-Ван, которая могла непосредственно угрожать безопасности кавказских границ⁸. Усилия Англии, не согласной делиться позициями на Ближнем и Среднем Востоке, и Франции, претендовавшей на господство в Сирии и Палестине, были также направлены на борьбу с германскими амбициями. На Балканах шла борьба между Россией и Австро-Венгрией, которые имели там непосредственные территориальные интересы: России был необходим свободный выход через проливы в Средиземное море и гарантия безопасности черноморского побережья, Австро-Венгрии – выход в Эгейское море, что предусматривало подчинение западных регионов полуострова. Интересы Австро-Венгрии не ограничивались Адриатикой, а шли гораздо дальше – в сторону Македонии и важнейшего

Эгейского порта Фессалоники; венское правительство имело своих сторонников в лице болгарского князя и сербского крала, а также болгарского и сербского купечества, заинтересованных в интенсивных торговых контактах через Дунай. Все это создавало реальную угрозу устремлениям России к расширению своего влияния на славянские государства и укреплению позиций на подступах к проливам и Константинополю. Как Россия, так и Австро-Венгрия активно использовали политических агентов и церковную пропаганду. Католические миссионеры из Австрии, поддерживаемые Ватиканом, развернули настоящую кампанию среди местного населения – как славянского, так и албанского⁹. Одновременно они служили и политическими агентами, доставляя информацию в австрийские дипломатические представительства. Россия же продолжала свою традиционную политику поддержки православия.

⁸ Хвостов В. М. История дипломатии. Т. II. М., 1963. С. 638–640; Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. М., 1978. С. 291–293; Бондаревский Г. А. Багдадская железная дорога и проникновение германского империализма на Ближний Восток (1888–1903). Ташкент, 1955; Ерусалимский А. С. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX в. М., 1948; Силин А. С. Экспансия германского империализма на Ближнем Востоке. М., 1976. С. 178–188.

⁹ Müllner G., von. Die lateinische Kirche im Türkischen Reiche. Berlin, 1901; Ippen Th. A. Das religiöse Protectorat Oesterreich-Ungarns in der Turkey // Die Kultur. 1902. Bd. III. S. 298–316; Das Kulturprotektorat Oesterreich-Ungarns in der Türken // Fremdblatt. Feb. 2, 1913.

Борьба балканских народов за Македонию

Берлинский конгресс 1878 г. оставил Македонию в пределах Османской империи. Тем самым было положено начало борьбы за эту территорию балканских государств – Греции, Болгарии и Сербии. На владение Македонией претендовали все три государства, так как ее население было смешанным: греки жили преимущественно в городах и по побережью, во внутренних же областях преобладали славяне. Между различными славянскими диалектами жителей не было четких границ, – следовательно, национальная идентификация их зависела, прежде всего, от успеха пропаганды политических агентов и от церковной принадлежности¹⁰. Мнение русского правительства касательно национальности македонских славян не было стабильным и зависело от политической ситуации: если сразу после русско-турецкой войны Россия рассчитывала на болгар как на свой оплот на Балканах, то к началу XX в. МИД был склонен поддерживать сербский элемент. «Является ли Македония болгарской областью? – спрашивал известный русский дипломат и общественный деятель Г. Н. Трубецкой. – На этот вопрос долгое время в России, Англии и других европейских государствах давался утвердительный ответ. На самом деле, у многих из наших консулов, на месте изучавших этот вопрос, ответ давался иной. Македония – не чисто болгарская и не чисто сербская область, но славяне, в ней обитающие, представляют нечто вроде теста, из которого можно сделать как сербов, так и болгар»¹¹. Сельское население поначалу относилось к болгарской политической пропаганде без особого энтузиазма; ее проводниками являлся тонкий слой интеллигенции в лице священников, учителей и торговцев; с годами, однако, эта агитация принесла свои плоды. В результате, делает вывод Трубецкой, к 1912 г. можно было говорить не о Македонии, а о Македоно-Болгарии¹².

Противоречия между греческим и славянским населением Македонии начали проявляться еще в первой половине XIX в., с подъемом национального самосознания балканских славян; постепенно они переросли в открытые конфликты. Начало борьбы было положено еще в 1860–70-е гг. с образованием самостоятельной Болгарской церкви. По замыслу лидеров болгарского освободительного движения, который нашел поддержку со стороны русского посла в Константинополе Н. П. Игнатьева, в территорию Болгарского экзархата должны были входить большинство епархий Македонии со смешанным греко-славянским населением. После провозглашения болгарской схизмы в 1872 г. начался период борьбы за эти епархии между Константинопольской патриархией и экзархатом¹³. Болгарская церковь утверждалась путем получения султанских бератов – документов на право осуществлять церковную власть – болгарскими архиереями. Сан-Стефанский договор 1878 г. предусматривал создание «Вели-

¹⁰ В конце XIX в. этническая карта Македонии неоднократно становилась предметом российских научных экспедиций. Если в 1880-е годы большинство славян называли себя просто райями, т. е. подданными султана, то спустя одно-два десятилетия их национальная принадлежность определялась церковными границами: экзархисты однозначно идентифицировали себя с болгарами, патриархисты не ставили национальный вопрос на первый план.

¹¹ Записка кн. Г. Трубецкого о задачах России в мировой войне. 10 января 1917 г. // АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 4313. Л. 11. В это время Г. Н. Трубецкой занимал пост вице-директора Первого департамента МИД.

¹² Там же.

¹³ Литература по предыстории и провозглашению болгарской схизмы обширна. См.: *Маркова З.* Българската Екзархия. 1870–1879. София, 1989; *Кирил, патр. Български.* Граф Н. П. Игнатиев и Българският църковен въпрос. Изследване и документи. София, 1958; *Бонева В.* Българското църковно-национално движение 1856–1870. София, 2010. Русское правительство, официально уклонившееся от высказывания мнения по вопросу о схизме, фактически проигнорировало собор 1872 г. и продолжало считать их православными; каноническое общение между церквями было, однако, прервано. Дальнейшее его отношение к греко-болгарскому вопросу зависело от политических обстоятельств. До войны 1877–1878 гг. оно симпатизировало болгарам, начиная с 1880-х гг. – сербам и грекам. При этом факт существования схизмы продолжал быть большой помехой для русской политики на Балканах. Об отношении России к схизме после 1878 г. и попытках ее преодоления см.: *Герд А. А.* Константинополь и Петербург. С. 225–308, а также соответствующую главу настоящего исследования, где указана библиография вопроса.

кой Болгарии», включавшей в себя основную часть этих епархий. Решения Сан-Стефанского договора вызвали, однако, сильнейший протест как греков, так и европейских держав, опасавшихся создания единого сильного славянского государства на Балканах, могущего стать опорой России¹⁴.

Берлинский трактат 1878 г. перечеркнул эти проекты, и Македония осталась по-прежнему в составе Османской империи. Теперь она стала ареной борьбы славян с греками за сферы влияния. Борьба велась, прежде всего, на церковном уровне, за которым скрывалось национально-политическое противостояние: экзархисты стремились любой ценой получить церкви в селах с преобладающим славянским населением и, следовательно, рассматривать эти села как потенциально болгарские, патриархисты же старались удержать их под властью Константинополя, что предполагало их будущий переход в руки Греческого королевства. Центрами борьбы становились города – Ускюб (Скопие), Битоли, Адрианополь, Драма, Кавала и др.¹⁵. Далеко не все славянские деревни спешили присоединяться к экзархии; главным церковным мотивом экзархистов было богослужение на славянском языке, остальные соображения носили национально-политический характер – избавление от экономического и морального гнета греческого духовенства, надежда на скорейшее освобождение от турецкого владычества и присоединение к Болгарскому княжеству и проч. При рассмотрении коллективных писем от жителей того или иного села с просьбами о присоединении к экзархии рубежа XIX–XX вв. производит впечатление, что все они составлены по одному шаблону. Очевидно, что образцы этих прошений распространялись болгарскими агентами, а жители ставили под ними свои подписи – зачастую славянские имена оказываются написаны греческими буквами. Греки, со своей стороны, проводили не менее активную деятельность. Опираясь на греческое население городов и сел со смешанным составом жителей, они оказывали давление на сельских старейшин; не следует забывать, что до 1870–80-х гг. все начальное образование находилось в руках греческого духовенства, осуществлявшего политику эллинизации населения. На протяжении двух десятилетий Македония стала ареной партизанской войны между болгарскими и греческими вооруженными отрядами, которые терроризировали крестьян и добивались угрозами и прямым насилием перехода в Экзархию или возвращения в патриархию.

В октябре 1893 г. в Фессалонике была основана Македонская революционная организация; председателем был назначен Х. Татарчев, секретарем Д. Груев¹⁶. Целью организации было достижение автономии Македонии, как промежуточного этапа к окончательному присоединению этой области к Болгарии, на протяжении последующих двух десятилетий ВМОРО станет центром вооруженных действий болгарских отрядов-чет в Македонии. Интересно, что создатели организации допускали, что присоединение области к Болгарии может и в будущем не осуществиться, и тогда она «может послужить объединительным звеном федерации балканских народов»; дальнейшие действия четников, направленные не только против турец-

¹⁴ Освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1964; Хвостов В. М. История дипломатии. Т. II. С. 117–133; После Сан-Стефано. Записки графа Н. П. Игнатъева. Пг., 1916; Νάλτας Χρ. Η συνθήκη του Αγίου Στεφάνου και ο Έλληνισμός. Θεσσαλονίκη, 1953; Batowsky H. A Centenary: two partitions of European Turkey. San Stefano and Berlin – a comparison // Balkan Studies. 1978. Vol. 19/2. P. 227–237.

¹⁵ Кирил, патр. Български. Българската екзархия в Одринско и Македония след освободителната война 1877–1878. Т. 1. 1878–1885. Кн. 2. София, 1970; Национално-освободителното движение на македонските и тракийските българи 1878–1944. Т. 3. Освободителното движение след Илинденско-Преображенското въстание. София, 1997; Лабаури Д. О. Болгарское национальное движение в Македонии и Фракии в 1894–1908 гг. София, 2008 (библиография с. 218–238) и др. О борьбе греков за Македонию и Фракию см.: Βακαλόπουλος Κ. Ιστορία του Βορείου Ελληνισμού στη Θράκη. Θεσσαλονίκη, 1990; Трайкова В. Гръцката пропаганда в Одринска Тракия // Исторически преглед. Т. XLIX. Кн. 3. С. 20–45; Мусинска С. Училищата на гръцката пропаганда в Одринска Тракия 1878–1912 г. // История. 2007. № 5–6. С. 57–66. См. также литературу в соответствующей главе. 9 До 1896 г. она называлась Македонская революционная организация

¹⁶ До 1896 г. она называлась Македонская революционная организация, до 1902 г. Болгарские македонско-одринские революционные комитеты, в 1902–1905 гг. – Тайная македонско-одринская революционная организация, с 1905 г. Внутренняя македонско-одринская революционная организация (ВМОРО).

ких властей, но и против сербов и греков, полностью исключили такую возможность. В Болгарии в 1893 г. возникли военные македонско-одринские братства. В качестве руководящего органа легальной организации македонских обществ в Болгарии в марте 1895 г. был создан Македонский комитет (впоследствии Верховный македонский комитет), который также провозгласил своей целью автономию Македонии. Первые шаги болгарских дружин нельзя назвать удачными; действия отрядов не имели достаточной организации, и они нередко занимались грабежом. Четники осознавали свою неподготовленность вести борьбу с регулярной турецкой армией и старательно избегали стычек с ней. В результате деятельность отрядов обернулась широкомасштабной провокацией, призванной разбудить мусульманский фанатизм и вызвать резню христиан Македонии с тем, чтобы привлечь внимание общественности в Европе и России и добиться провозглашения автономии Македонии под давлением держав. От действий четников страдало, прежде всего, мирное население, у которого отряды вымогали продовольствие и деньги. Сторонники активных действий и немедленного восстания (Я. Сандански, Х. Чернопеев, С. Михайлов и др.) противопоставляли себя более умеренным «верховистам», членам легального Верховного комитета; дело дошло до открытого конфликта. Осенью 1902 г. вспыхнуло восстание в Горна Джумая, в которое было втянуто несколько десятков приграничных сел. В результате его подавления погибло несколько сот человек, а три тысячи беженцев отправились в Болгарию. В первой половине 1903 г. многочисленные террористические акты четников спровоцировали погром болгарского населения в Фессалонике, а затем в Битоли. С января 1903 г. проводилась подготовка крупнейшего за этот период Илинденского восстания, которое явилось пиком борьбы македонских болгар за независимость в первые годы XX в.

Митрополит Герман Каравангелис

Аналогичным образом действовала греческая сторона, сочетая пропаганду национальной идеологии через школьное дело и просветительские общества с вооруженной борьбой партизанских отрядов. Для греков борьба за Македонию была важнейшей составной частью осуществления великой идеи – объединения всех исторических греческих земель в одно государство и восстановления Византийской империи. В 1894 г. в Греции была создана патриотическая организация ЕЭλλκ] етацта (Национальное общество), целью которой было укрепление эллинизма в греческих областях, находящихся под турецким владычеством. Первоначально она была ориентирована на Крит, но начиная с 1896–1897 гг. стала посылать отряды в Македонию. В состав общества входили многие известные деятели того времени

– византинист С. Ламброс, профессор Н. Политис, юрист А. Матесис. Однако самыми деятельными членами его были профессиональные военные – К. Мазаракис, Павлос Мелас, капитан Геннадис и др. В 1902 г. была основана еще одна конспиративная организация – «Амина» («Оборона»), целью которой была поддержка греческих общин и централизация греческих сил в Македонии.

Опорой греческого влияния в Македонии были дипломаты, духовенство и школьные учителя. Вскоре после своего вторичного избрания на патриарший престол в 1901 г. Иоаким III уступает давлению со стороны греческого посольства в Константинополе и назначает в Македонию молодых, энергичных и хорошо образованных архиереев, всецело преданных делу эллинизма: Германа Каравангелиса в Касторию, Хризостома Калафатиса в Драму, Иоакима Форопулоса в Битоли. Они не только начали тесное сотрудничество с греческими дипломатическими представителями, но нередко брали на себя инициативу вооруженной борьбы против экзархии¹⁷. Поистине символом церковно-национальной борьбы стал Касторийский митрополит Герман Каравангелис (1900–1908). Он находился в тесном контакте с военными отрядами, посылавшимися в Македонию из Греции. Сам Герман ездил по Македонии в сопровождении вооруженного до зубов отряда и нередко силой заставлял экзархистов передавать своим противникам ключи от сельских церквей. Постепенно он организовал целый ряд боевых отрядов и фактически был координатором их действий. В 1901–1902 гг. ему удалось привлечь на свою сторону Котаса из Рулии, который был мухтаром своей деревни и был известен тем, что отстаивал права односельчан от произвола турецких солдат¹⁸. Вслед за тем он убедил перейти на сторону греков экзархиста Гелева, Вангелиса и других предводителей. Была у Германа также целая сеть агентов, которые внешне принадлежали к болгарской Внутренней организации, но на деле служили греческой стороне (большинство из них получало жалование от митрополита)¹⁹.

Греческая организация быстро пошла в рост после назначения Иона Драгумиса (родственника П. Меласа) вице-консулом в Монастырь. В это же время в Афинах был образован Македонский комитет. Под давлением Германа Каравангелиса П. Мелас, А. Мазаракис и С. Драгумис выслали первый боевой отряд, сформированный в Греции; он состоял из критян, которые предприняли действия против болгарских четников во время Илинденского восстания²⁰. Греки всячески старались подчеркнуть свою лояльность по отношению к турецким властям. Так, на встрече между Хильми пашой и Салоникским митрополитом Иоакимом в греческом консульстве летом 1904 г. специально отмечался факт взаимной поддержки греческого духовенства и османского правительства²¹. Обострение греко-болгарских отношений в Македонии и случаи расправы греков над болгарскими при помощи турецкой жандармерии расценивались русскими обозревателями как верный признак «незрелости местных элементов для автономной жизни» и правильности политики, направленной на сохранение status quo²².

В августе 1904 г. П. Мелас был назначен главнокомандующим всеми греческими отрядами в районе Кастории и Монастыря; в том же году он был убит в стычке с турецкими солдатами, после чего его имя стало, наряду с митрополитом Германом, символом борьбы за Македонию²³. По сути, партизаны использовали традиционные методы греческих клефтов – они осуществляли внезапные нападения на отряды противника, а затем скрывались в лесах и горах. Не все руководители греческого движения разделяли подобную тактику. Так, Л. Коромилас,

¹⁷ Константинова Ю. Балканската политика на Гърция в края на XIX и началото на XX век. Велико Търново, 2010. С. 293.

¹⁸ Dakin D. The Greek struggle in Macedonia. 1897–1913. Thessaloniki, 1966. P. 122–125.

¹⁹ Деятельность митрополита Германа отчасти нашла отражение в его мемуарах: *Καταβαγγέλης Γ.* Ο Μακεδονικόζαγών. Απομνημονεύματα. Θεσσαλονίκη, 1959.

²⁰ Dakin D. The Greek struggle in Macedonia. P. 144–145.

²¹ Московские ведомости. 21 августа 1904 г. № 230.

²² Petrus. Новый фазис македонского вопроса // Московские ведомости. 8(21) декабря 1904 г. № 339.

²³ *Νοτάρης Ι.* Παύλος Μελάς, βιογραφία. Θεσσαλονίκη, 1955; *Μελά Ν.* Παύλος Μελάς. Αθήνα, 1999.

греческий генеральный консул в Салониках, считал ошибкой использовать отряды, состоявшие исключительно из местных партизан-клефтов. Он предпочитал формирование смешанных отрядов из местных жителей и выходцев из Греции; во главе подобных отрядов должны были стоять профессиональные офицеры, специально обученные для борьбы в Македонии. Руководство отрядами предполагалось осуществлять через посредство греческих дипломатов в городах Македонии. Одновременно в Македонию из Греции переправлялось оружие, которое хранилось в греческих монастырях, митрополичьих и частных домах. Этот план, представленный в 1905 г. К. Мазаракисом в Афинах, послужил основой для дальнейших действий в течение нескольких лет²⁴. Запрет перехода деревень в экзархию после Илинденского восстания и активизация деятельности греческих отрядов привели к тому, что славянское население предпочитало оставаться под властью патриархии. Когда в 1907 г. несколько консулов в Битоли посетили с. Скочивир, русский представитель спросил группу крестьян, почему они считаются греками-патриархистами, раз не знают греческого языка. Крестьяне отвечали, что они действительно не греки и не знают греческого языка, но предпочитают оставаться под патриархией в вере своих отцов и дедов и не хотят ничего другого, только жить мирно²⁵.

В 1905–1906 гг., не в последнюю очередь по причине внутренних разногласий, деятельность болгарских чет ослабла. В то же время активность греческих и поддерживавших их сербских отрядов, напротив, возросла. Партизанские действия продолжались до начала Балканской войны 1912 г., а противостояние греческого и славянского населения в Македонии закончилось только после окончательного проведения границ и обмена населением, происшедшего гораздо позднее.

²⁴ Ibid. P. 214–220.

²⁵ Битоски К. Дејноста на Пелагониската митрополија, С. 287. См. также: Петрушина О. Е. Греческая нация и государство в XVIII–XX вв. М., 2010. С. 433–443.

Политика России на Балканах. Сотрудничество с Австро-Венгрией

К началу XX в. Россия не могла рассчитывать на поддержку ни одного из балканских государств, за исключением Черногории. Болгария, хотя и проводившая после официального примирения в 1896 г. менее враждебный в отношении России курс, продолжала по-прежнему придерживаться ориентации на Австро-Венгрию. Сербия после русско-турецкой войны также заняла проавстрийскую позицию, и только после майского переворота 1903 г., приведшего к восшествию на престол Петра Карагеоргиевича, снова обратила свои взгляды на Россию²⁶. Греция же на протяжении многих десятилетий после Крымской войны ориентировалась в своей политике преимущественно на Великобританию, и, соответственно, отношения ее с Россией были крайне сдержанными. Опоры для деятельной политики на Балканах у России в тот момент не было; не чувствовала она и готовности самостоятельно начинать военные действия. Осознавая невозможность осуществлять активную наступательную политику в отношении проливов и Константинополя, русское правительство в конце 1890-х гг. избрало в качестве наиболее приемлемой линии поддержку status quo на Балканах и в Турции²⁷. Для того чтобы обеспечить устойчивое положение на Балканах и помешать сепаратным действиям Австро-Венгрии, в Петербурге приняли решение пойти на соглашение с венским кабинетом. Австрийская сторона также была склонна, по крайней мере на словах, отказаться от традиционного антирусского курса. К отказу от немедленных наступательных действий на Балканах австро-венгерское правительство побудил также внутренний кризис конца 1890-х гг. В 1896 г., во время посещения Вены Николаем II, между А. Б. Лобановым-Ростовским и А. Голуховским было достигнуто соглашение о постоянных контактах. Подписанное в 1897 г. в Петербурге соглашение сводилось к «необходимости поддержания теперешнего status quo столь долго, сколько позволяют обстоятельства» и определило на десять лет сравнительно мирное развитие австро-русских отношений. Обе стороны отвергали всякую мысль о завоеваниях на Балканском полуострове, вопрос касательно Константинополя и проливов признавался предметом обсуждения всех европейских держав. При этом Австро-Венгрия оставляла за собой право в случае изменения существующего положения превратить оккупацию Боснии и Герцеговины в аннексию, присоединить Новобазарский санджак и ставила вопрос об образовании независимого княжества Албании. Эти меры должны были предотвратить создание на Балканах большого славянского государства, которое могло стать оплотом России²⁸.

В первые годы XX в. Россия была занята разработкой проектов развития дальневосточной политики, в результате чего балканское направление находилось в состоянии стагнации. Поэтому решение македонского вопроса оттягивалось на неопределенные сроки, и в Петербурге не торопились с помощью назревавшему революционно-освободительному движению. Тем не менее, полностью отказаться от традиционного курса на поддержку балканских народов Россия не собиралась. Чтобы обеспечить себе поддержку со стороны Болгарии, русское правительство в 1902 г. заключило с ней военный договор²⁹, а после государственного переворота

²⁶ Вучо Н. Привредна историја Србије. Београд, 1955; Павловичко О. Б. Россия и Сербия 1888–1903. Киев, 1987; Војводић М. Србија у међународним односима крајем XIX и почетком XX века. Београд, 1988; Екмечић М. Стварање Југославије 1790–1918. Београд, 1989; Поповић Н. Б. Србија и царска Русија. Београд, 2007.

²⁷ Невозможность захвата проливов была наглядно доказана провалом проекта А. И. Нелидова в 1896 г. См.: Хвостов В. Проект захвата Босфора в 1896 г. // Красный архив. 1931. Т. 4–5 (47–48). С. 64–67; Он же. Проблема захвата Босфора // Историк-марксист. 1930. Т. 20. С. 100–129; История дипломатии. Т. II. С. 342–343; Восточный вопрос во внешней политике России. С. 270–271; Киянина Н. С. Балканы и проливы. С. 186–187.

²⁸ Восточный вопрос во внешней политике России. С. 290–291.

²⁹ Helmreich E. C., Black C. E. The Russo-Bulgarian military convention of 1902 // Journal of Modern history. Vol. IX. Dec.

и прихода к власти прорусской династии Карагеоргиевичей в 1903 г. оказывало поддержку и Сербии³⁰. В конце 1902 г. Россия возбудила перед Портой вопрос о проведении реформы управления в трех македонских вилайетах (Салоникском, Косовском и Монастырском). Аналогичное предложение султану сделали Англия и Франция. Чтобы избежать открытого вмешательства во внутренние дела империи, 8 декабря 1902 г. султан подписал декрет о проведении реформ в Македонии. Речь шла о разработке административной, судебной и полицейской реформ.

Австро-венгерское правительство не могло не принять участие в столь важном для него деле, и потому венский кабинет предложил Петербургу сотрудничество в рамках соглашения 1897 г. Разумеется, австрийское правительство хотело воспользоваться этим предложением для активизации собственных действий: например, летом 1903 г. под предлогом защиты австрийских граждан против повстанцев в Салониках были высланы военные корабли без консультации с русским правительством. В начале 1903 г. в ходе визита нового российского министра иностранных дел В. Н. Ламздорфа в Вену была разработана так называемая Венская программа реформ, которая характеризовалась умеренностью и не обнаруживала больших отличий от декабрьского проекта Турции. Программа была вручена великому визирю российским и австрийским послами в Константинополе. Согласно этому проекту, Турция должна была поручить иностранным офицерам реорганизацию местной жандармерии и полиции. Предполагалось ежегодное составление бюджета для каждого вилайета, использование доходов на местные нужды, проведение сбора налогов органами общинного самоуправления. Порта должна была принять меры против произвола четнических отрядов и даровать амнистию политическим арестованным и беженцам³¹.

1937. Р. 471–482.

³⁰ *Хвостов В. М.* История дипломатии. Т. II. С. 632–635; *Данченко С. И.* Развитие сербской государственности и Россия 1878–1903. М., 1996.

³¹ Восточный вопрос во внешней политике России. С. 290–294.

Русско-австрийские попытки реформ в Македонии в рамках Мюрцштегского соглашения

Несмотря на свое формальное согласие, Порта не принимала никаких решительных мер к осуществлению реформы. Весной-летом 1903 г. напряжение в Македонии достигло крайней точки и вспыхнуло восстание, известное под именем Илинденско-Преображенского (действия разворачивались в период между 2 и 19 августа, днями Ильи Пророка и Преображения). Восстание, в котором участвовали только македонские болгары, не было поддержано греческим населением и было жестоко подавлено турецкими войсками³². Эти события означали провал Венской программы и заставили Россию и Австро-Венгрию форсировать вопрос о реформах. В сентябре 1903 г. в замке Мюрцштег близ Вены, во время встречи императоров Николая II и Франца Иосифа, было выработано соглашение о дальнейших реформах (подписание состоялось 2 октября). Мюрцштегское соглашение, подписанное министрами иностранных дел В. Н. Ламздорфом и А. Голуховским, в основном повторяло пункты, изложенные в февральской программе. Наиболее важным элементом нового проекта было требование назначить при генерал-инспекторе двух гражданских агентов (по одному от России и Австро-Венгрии). Под руководством обеих держав должна была проводиться реформа жандармерии, а также преобразование административных и судебных учреждений.

В. Н. Ламздорф

Предусматривалось обязательное участие христиан в этих учреждениях; расследование уголовных и политических преступлений также предполагалось предоставить смешанным комиссиям. Турецкое правительство обязывалось выделить особые суммы для репатриации христиан, бежавших в Болгарию и другие места, восстановления школ, церквей и домов христиан, потерпевших ущерб во время Илинденского восстания. После некоторых колебаний, последовав совету Германии, 24 ноября 1903 г. Абдул-Гамид принял Мюрцштегскую программу³³.

³² *Силянов Х.* Освободителните борби на Македония. Т. 1. Илинденското въстание. София, 1933. У российского МИДа не было единства в отношении к восстанию: русский посол в Константинополе И. А. Зиновьев отстаивал суровое его подавление, в то время как агент в Софии был на стороне повстанцев. См.: *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. М., б. г. С. 54.

³³ О Мюрцштегской программе и действиях по ее осуществлению см.: *Diplomatische Aktenstücke über die Reformazion in*

Британский кабинет, оказавшись отстраненным от реформ в Македонии, был в высшей степени недоволен русско-австрийским соглашением. Еще до встречи в Мюрцштеге, в конце августа 1903 г., министр иностранных дел Г. Лэнсдоун заявил, что «австро-русский проект реформ мертв», и со своей стороны начал активную разработку нового плана³⁴. Англия выдвинула контр-проект, согласно которому предполагалось поставить во главе провинции правителя – христианина или мусульманина – под контролем европейских чиновников. Эта программа означала коллективный контроль над Македонией. Попытки английской дипломатии сплотить под своей эгидой Францию, Италию и Болгарию против России и распространить проект реформ на Адрианопольский вилайет с целью будущей передачи его Болгарии на первых порах не имели успеха.

В начале 1904 г. при генерал-инспекторе Х. Хильми паше два гражданских агента – Н. Н. Демерик (российский ген. консул в Бейруте) и Г. Мюллер – приступили к работе. Согласно ст. 1 Мюрцштегской программы, они должны были не только всюду сопровождать генерал-инспектора, но также ездить по вилайетам и собирать информацию, чтобы обращать его внимание на злоупотребления властей и на нужды христианского населения³⁵. Другой орган был призван контролировать реорганизацию жандармерии; в этом принимали участие все державы, каждая в выделенном ей секторе. По настоянию Австро-Венгрии главнокомандующим жандармерии был назначен итальянский генерал Эмилио де Джорджис, адъютантами которого стали австрийский подполковник граф И. У. Салис-Севис и русский генерал Ф. А. Шостак. Проект военной реформы долго не утверждался, так как державы не могли договориться о распределении сфер деятельности. Уже в самом начале этих переговоров стало очевидно преобладание Австро-Венгрии; с мнением русских представителей далеко не всегда считались. В конце концов, при посредничестве Великобритании в начале апреля 1904 г. компромисс был достигнут. Австро-Венгрия получила для осуществления реформ Ускюбский санджак, Россия – Солунский, Англия – Драмский, Франция – Серрский. С началом русско-японской войны необходимо было успокоить общественное мнение, недовольное пассивностью правительства в балканских делах. Русская консервативная пресса с удовлетворением писала о заботе России о балканских славянах и ее мнимых успехах в Македонии³⁶.

Однако дело осуществления реформ почти не двигалось; особенно упорно сопротивлялась Порта проведению финансовой реформы, к которой Англия со своей стороны проявляла наибольшее внимание. После поражения России в войне с Японией британский кабинет изменил свой курс и стал искать сближения с Россией как потенциальным партнером в борьбе с Германией. Давление британского министерства в Петербурге привело к подписанию в январе 1905 г. финансового проекта, разработанного послами Австро-Венгрии и России в Константинополе. По сути, он вполне вписывался в Мюрцштегскую программу реформ, хотя его авторы стремились представить его как нечто принципиально новое. Теперь предполагался не формальный, но реальный надзор над всеми финансовыми операциями под контролем генерала-инспектора и гражданских агентов. Этот план, не согласованный с другими державами, вызвал негодование в Риме и Париже. Венская же дипломатия вела свою интригу, натравливая албанское население западной части Балкан на македонских христиан. По мере развертывания партизанских действий в Македонии и албанского движения в западной части Балкан турецкое правительство под давлением Англии согласилось распространить полицейскую

Mazedonien. Rotbuch I. 1902–1906. Wien, 1906 (издание документов); *Ruchti J.* Die Reformation Österreich-Ungarns und Russlands in Mazedonien 1903–1908. Die Durchführung der Reformen. Wien, 1969; *Попов Р.* Австро-Унгария и ре-формите в Европейска Турция 1903–1908. София, 1974; Национално-освободителното движение на македонските и тракийските българи 1878–1944. Т. 3. София, 1997. С. 8–25; *Dakin D.* The Greek Struggle in Macedonia. 1897–1913. P. 112–116.

³⁴ *Dakin D.* The Greek Struggle in Macedonia. P. 112–113.

³⁵ *Ruchti J.* Die Reformation Österreich-Ungarns und Russlands in Mazedonien 1903–1908. S. 49.

³⁶ См. статью «Наша балканская политика» // Московские ведомости. 4 (17) ноября 1904 г. № 305.

реформу и на Адрианопольский вилайет. Представители великих держав в середине 1905 г. выступили с представлениями Порте по поводу ее бездействия по отношению к греческим и болгарским вооруженным отрядам. Аналогичные представления были обращены и к правительствам в Софии, Афинах и Белграде. 28 ноября 1905 г. Австро-Венгрия и Россия указали правительствам трех балканских государств, что осуществление реформ тормозится не столько турками, сколько деятельностью отрядов и непрерывными посягательствами на жизнь и имущество населения. Все три правительства ответили, что они делают все возможное, чтобы предотвратить формирование и отправку отрядов; вместе с тем они оправдывали их действия, мотивируя их необходимостью защищаться от противников³⁷.

В 1905 г. Лэнсдоун предложил со своей стороны новый проект финансовой реформы, к которой предполагал привлечь Францию и Италию. Целью этого проекта было устранить австрийских и русских гражданских агентов и поставить окончательную точку в Мюрцштегской программе. 8 мая 1905 г. было получено согласие всех держав на осуществление финансовой реформы; согласие турецкой стороны было дано только 5 декабря³⁸. Сменивший в 1906 г. Лэнсдоуна на посту министра иностранных дел Англии Э. Грей не проявлял симпатий ни к болгарам, ни к грекам. Более того, в течение 1906 г. он собирал информацию о деятельности греческих комитетов в Кавале и митрополитов Драмы, Гревены и Монастыря. В мае 1906 г. по указанию британского посольства великий визирь потребовал от патриарха смещения митрополита Монастыря. В сентябре того же года был убит епископ Корицы, и при расследовании дела обнаружены документы, свидетельствовавшие о его связях с партизанами; в ноябре Э. Грей адресовал греческому правительству меморандум по этому вопросу, в котором снова подчеркивал, что греческие вооруженные отряды являются главным препятствием осуществления преобразований³⁹. В течение 1906 г. реформы окончательно зашли в тупик. Христиане мало участвовали в местном управлении по причине незнания турецкого языка, а также из-за того, что их по-прежнему не допускали до ответственных должностей. 27 февраля 1907 г. российский и австрийский послы в Константинополе дали инструкции гражданским агентам сотрудничать с представителями финансовой комиссии.

На протяжении 1907 г. державы продолжали посылать афинскому правительству представления по поводу деятельности греческих отрядов в Македонии.

28 сентября 1907 г. Австро-Венгрия и Россия направили ноту соответствующего содержания правительствам трех балканских стран, в которой указывалось, что замирение края и проведение реформ возможно только при условии прекращения партизанских действий; в случае же их продолжения можно ожидать только репрессии со стороны Порты. Особые внушения были сделаны в Афинах, в том числе и британскими представителями. Греческое правительство, как и прежде, ссылалось на необходимость защищаться от болгар. Между тем, в июле 1907 г. афинский кабинет предложил Англии и Франции сотрудничество в военной сфере, которое было одобрительно воспринято французской стороной; более того, в случае принятия англо-французского проекта реорганизации флота предполагалась помощь в македонском и критском вопросах. Готовность европейских держав к подобному сотрудничеству, помимо прочего, объяснялась боязнью усиления активности России в балканском регионе – ведь война с Японией закончилась, и последствия революционного кризиса также начали преодолеваться. Впрочем, этот план так и не был осуществлен из-за оппозиции со стороны греческого морского ведомства⁴⁰.

³⁷ Dakin D. The Greek Struggle in Macedonia. P. 243.

³⁸ Ibid. P. 244–249.

³⁹ Ibid. P. 288–294.

⁴⁰ Ibid. P. 328–331.

К 1907 г. идея Мюрцштегской программы оказалась изжитой. Сотрудничество России и Австро-Венгрии, которое, по сути, скрывало за собой соперничество двух держав, фактически закончилось. В Петербурге усиливалось подозрение, что внимание Австро-Венгрии при новом министре иностранных дел А. Эрентале было нацелено не столько на проведение реформ, сколько на подготовку аннексии Боснии и Герцеговины. Постепенно вопрос о реформах становился частью возрождения старой идеи союза трех императоров (Германии, России и Австро-Венгрии) и присоединения к нему Франции с целью изоляции Англии и Италии. Тем самым, по замыслу Вены и Берлина, можно было предотвратить англо-русское сближение. Поэтому Эренталь соглашался на половинчатые шаги в сторону русской дипломатии, что нашло выражение в принятии проекта судебных реформ И. А. Зиновьева; в августе 1907 г. в виде русско-австрийской ноты он был вручен Порте. После подписания русско-английского соглашения 31 августа 1907 г. Великобритания и Россия выступили с новыми проектами касательно реформ в Македонии. Россия предлагала, чтобы Франция, Англия, Германия и Италия пользовались в финансовой комиссии теми же правами, что и русский и австрийский гражданские агенты⁴¹. 18 декабря 1907 г. Форин офис отправил российскому и австрийскому послам в Лондоне А. К. Бенкендорфу и П. Менсдорфу меморандум с вопросом касательно дальнейшей политики в Македонии. Учитывая то, что представления, адресованные правительствам трех балканских государств, остались безрезультатными, а беззакония со стороны вооруженных отрядов продолжались, английский кабинет требовал корректировки политики держав⁴². Положительная сторона британского предложения заключалась в расширении османской жандармерии, которая должна была гарантировать осуществление реформ. Второе предложение лондонского кабинета заключалось в отправлении новых нот правительствам трех балканских государств; оба проекта не были поддержаны австрийским и русским министрами иностранных дел.

Внешне разрыв русско-австрийского сотрудничества проявился в конце 1907 г., когда Австро-Венгрия и Германия все-таки отказались поддержать согласованный ранее с Россией проект судебной реформы в Македонии. Германский посол в Константинополе проявил себя, по словам посла И. А. Зиновьева, «как естественный защитник Турции», а австрийский посол вообще уклонился от выступления при обсуждении проекта⁴³. Финалом в разрыве русско-австрийского соглашения по вопросу реформ явилось одобрение со стороны султана строительства Новобазарской (Митровицкой) железной дороги в конце января 1908 г., имевшей дальнейшую перспективу в сторону Фессалоники⁴⁴. Этот акт являлся прямым нарушением Мюрцштегской программы и давал очевидные преимущества в балканском регионе Германии и Габсбургской монархии. Уже в марте 1908 г.

⁴¹ Галкин И. С. Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов европейской Турции. 1905–1912 г. М., 1960. С. 214.

⁴² Dakin D. The Greek Struggle in Macedonia. P. 345.

⁴³ Восточный вопрос во внешней политике. С. 301.

⁴⁴ Хвостов В. М. История дипломатии. Т. II. С. 640–642.

А. П. Извольский

Вена почти ультимативно требует от Порты концессии на прокладку Новобазарской железной дороги и вместе с тем предлагает подписать двустороннюю военную конвенцию относительно вилайетов Солунского, Янинского, Шкодрского, Битольского и Косовского при сохранении политического суверенитета в них⁴⁵. Официальным концом Мюрцштегской программы можно считать май 1909 г., когда Порта запросила согласие держав на уничтожение международной финансовой комиссии; 24 августа 1909 г. (уже после Боснийского кризиса) она была упразднена⁴⁶.

На фоне обострения противоречий между Россией и Австро-Венгрией руководитель внешней политики России (с 1906 г.) А. П. Извольский выдвинул программу, которая склонялась к укреплению франко-русского союза и смягчению противоречий с Англией. Одновременно предполагалось сохранение дружественных отношений с Германией, не вступая с ней в союз, и продолжение сотрудничества с Австро-Венгрией на базе взаимных уступок. Осуждая осторожную политику лавирования России между интересами соперничающих с ней держав, которой придерживался его предшественник В. Н. Ламздорф, Извольский, по сути, был вынужден продолжать ее, что объяснялось слабостью страны и боязнью быть втянутыми в войну 31 августа 1907 г. было подписано англо-русское соглашение о разграничении интересов обеих стран в Иране, Афганистане и Тибете. Важнейшей целью российского правительства при разработке условий соглашения было также добиться от Великобритании санкции на изменение неблагоприятного для России режима проливов, установленного Парижским трактатом 1856 и лондонской конвенцией 1871 г. Несмотря на кажущееся согласие английского кабинета, никаких уступок России в этом вопросе сделано не было. Сближение сначала Англии и Франции, а затем Англии и России положило начало новой перегруппировке великих держав на блок центральных сил (Германии и Австро-Венгрии) и Антанту⁴⁷.

Переход к активной политике на Балканах нашел поддержку в консервативных славянофильских кругах. «Приспело время, – писали по поводу прокладки Митровицкой железной дороги «Московские ведомости», – вместо гомеопатического лечения македонских бед

⁴⁵ Штилькова В. И. Отношение западноевропейских держав к Младотурецкой революции // Новая и новейшая история. 1971. № 3. С. 37.

⁴⁶ Галкин И. С. Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов европейской Турции. С. 215.

⁴⁷ Восточный вопрос во внешней политике России. С. 302–308; Хвостов В. М. История дипломатии. Т. II. С. 606–617, 642–644; Бестужев И. В. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1906–1910. М., 1961. С. 30–33; Langer W. L. Russia, the Straits question and the European Powers, 1904–1908 // The English Historical Review. Jan. 1929. Vol. XLIV. № 173. P. 59–85.

по рецепту мюрцштегскому, обратиться к другим, более серьезным приемам и средствам, – а прежде всего к дарованию этим вилайетам областной автономии, как это предуказано и Берлинским трактатом. Если Германия и Австро-Венгрия не признают ныне возможным настаивать на этой статье трактата, [...] то России придется искать для проведения ее в жизнь других путей, других союзников. [...] Новая ориентировка нашей политики по вопросу македонскому необходима и потому еще, что сотрясения македонской почвы, разбегаясь волнообразно, доходят до Закавказья»⁴⁸.

Недостаточно трезво оценивая международную ситуацию и подстрекаемый теми кругами российского общества, которые были настроены на деятельную политику России на Балканах, на Особом совещании 24 августа 1907 г. Извольский выступил с планом отказа от чисто оборонительной политики на Ближнем Востоке и объединения усилий с Англией. Предложение Извольского начать активную политику в отношении Турции стало предметом обсуждения на совещании 21 января 1908 г.; свои идеи министр снова высказал в феврале 1908 г. Однако планы Извольского были отвергнуты как П. А. Столыпиным, так и товарищем военного министра А. А. Поливановым, который указывал на опасность очередных военных авантюр⁴⁹. Извольскому пришлось ограничиться только дипломатическими мерами: в апреле 1908 г. были предприняты переговоры по балканским делам с Австро-Венгрией.

⁴⁸ Передовая статья «Македонская зарница» // Московские ведомости. 2 (15) февраля 1908 г. № 28.

⁴⁹ Шебушин Л. Н. Россия на Ближнем Востоке. Л., 1926. С. 93–97; История дипломатии. Т. II. С. 643–644.

Боснийский кризис 1908–1909 гг.

Согласно 25 статье Берлинского трактата, Австро-Венгрия заняла провинции Босния и Герцеговина; официально оккупация объявлялась временной, а верховный суверенитет по-прежнему сохранялся за султаном. Австрийский гарнизон был введен и в Новобазарский санджак, овладение которым также входило в перспективные планы австрийских политиков. Не имевшая, в отличие от Англии и Франции, заморских колоний, Австро-Венгрия видела главный путь дальнейших территориальных приобретений в проникновении на Балканы. Босния и Герцеговина, а также Санджак, рассматривались как путь в Салоники и Константинополь. Заключение между Австро-Венгрией и Россией в 1897 г. договора о сохранении status quo на Балканах несколько не ослабило экспансионистские стремления австрийского правительства. Поощрение активности России на Дальнем Востоке имело непосредственной целью нейтрализовать ее на Балканах и тем самым открыть простор для действий Австро-Венгрии⁵⁰.

В 1906 г., когда в России на смену министру иностранных дел В. Н. Ламздорфу пришел А. П. Извольский, осторожного А. Голуховского в австрийском МИДе сменил А. Эренталь. Будучи в 1899–1906 гг. послом в Петербурге, он тщательно изучил состояние русских финансов и военных возможностей за последние годы; у него были все основания быть уверенным, что Россия не захочет вступать в войну, что обеспечивало свободу для действий Австрии. Еще в Петербурге, в 1904 г. Эренталь предлагал Голуховскому осуществить аннексию Боснии и Герцеговины, пользуясь занятостью России на Дальнем Востоке; взамен предлагалась помощь в изменении режима черноморских проливов; в 1907 г. он снова поднял вопрос об осуществлении этого плана. После получения министерства Извольский предпринял ряд шагов к тому, чтобы склонить Англию, а также центральные державы к поддержке планов российской дипломатии, нацеленных на открытие проливов для военных судов. На встрече Эренталья с Извольским в Вене в сентябре 1906 г., по всей видимости, в данном вопросе была достигнута предварительная договоренность. В качестве «цены» за такое согласие предполагалось согласие русского правительства на окончательное поглощение Австро-Венгрией Боснии, Герцеговины и Санджака. По крайней мере в своих будущих действиях Эренталь уже подразумевал, что Россия не станет возражать против аннексии этих территорий. Решение о строительстве железной дороги от Уваца до Митровицы, которая должна была обеспечить австрийские перевозки в направлении Салоник, было неожиданностью для русского МИДа и в значительной мере обострило отношения между двумя державами. В феврале 1908 г. стало ясно, что с мюнхенской программой было покончено, а в памятной записке, поданной 1 мая 1908 г. русскому правительству, содержались прозрачные намеки о необходимости по-новому трактовать соглашение 1897 г. Ревельские переговоры 9–10 июня 1908 г. укрепили Извольского в его заблуждении относительно готовности английского правительства поддержать Россию в ее требованиях касательно проливов. 2 июля министр написал ответную памятную записку австро-венгерскому правительству, в которой он выразил принципиальное согласие обсудить вопрос о Боснии и Герцеговине в обмен на удовлетворение русских требований в проливах⁵¹.

Младотурецкая революция июля 1908 г. ускорила исполнение планов австрийского правительства. Следующей задачей Эренталья была изоляция Сербии, что было успешно достигнуто подогреванием сербско-болгарских противоречий и согласием на провозглашение Фердинанда царем в сентябре 1908 г. 15–16 сентября 1908 г. состоялась встреча Эренталья с Извольским в Бухлау, на которой русский министр окончательно дал свое согласие на аннексию, пытаясь при этом выговорить «известные компенсации» для России и балканских госу-

⁵⁰ Виноградов К. Б. Боснийский кризис 1908–1909 гг. Л., 1964. С. 15–32.

⁵¹ Там же. С. 60–74; Бестужев И. В. Борьба в России по вопросам внешней политики. С. 103–155.

дарств. Эренталь дезинформировал Извольского о сроках и методах осуществления аннексии и, по сути, поставил его перед свершившимся фактом⁵². 8 октября 1908 г. аннексия была официально провозглашена на очередной сессии делегаций в Будапеште. Одновременно о ней получили извещения главы держав. В своей речи Эренталь говорил об успехах Австро-Венгрии в обеспечении порядка в провинции, о «благородном» шаге, состоявшем в предоставлении Санджака Турции, компенсацией за который и должно было послужить присоединение Боснии и Герцеговины к Австро-Венгрии.

Благоприятно отнеслась к свершившемуся событию Германия, которая и прежде поддерживала Эренталя в его планах. Большое моральное значение для Австро-Венгрии имело одобрение Ватикана, стоявшего за спиной австрийской католической пропаганды на Балканах⁵³. Франция и до определенной степени Англия долгое время после аннексии придерживались выжидательной позиции. Что касается России, то непредусмотрительный шаг Извольского был для нее настоящим провалом. Уже в октябре 1908 г. как Франция, так и Англия отказались продолжать переговоры по поводу проливов. В русской прессе посыпался град обвинений против неудачной политики министра, «за чечевичную похлебку» продавшего интересы балканских славян. Чтобы реабилитировать себя, Извольский принялся отстаивать идею созыва европейской конференции и говорил о необходимости предоставить «компенсации» Сербии и Черногории. Однако идея конференции, разумеется не встретившая сочувствия в Вене, провалилась, и русской дипломатии пришлось в силу обстоятельств вернуться к возрождению старой идеи – сплочению сил балканских народов перед общими врагами – Турцией и Австро-Венгрией. В период 1897–1908 гг. эта идея из-за соглашения с Австро-Венгрией и русско-японской войны по сути игнорировалась русскими дипломатами; теперь она снова стала актуальной. Основой подготовки такого союза могла стать только традиционная линия покровительства России православным народам, в первую очередь славянам. Российской дипломатии здесь приходилось действовать без всякой поддержки со стороны европейских держав. К ноябрю 1908 г. во внешней политике России наступило изменение: вместо курса на международную конференцию, т. е. на активную борьбу за совмещение австро-русского соглашения с образованием антиавстрийского союза балканских государств, был временно принят курс на пассивное выжидание событий⁵⁴.

В Турции, Сербии и Черногории аннексия вызвала сопротивление, выразившееся, в первую очередь, в бойкоте австрийских товаров. Зимой 1908–1909 гг. в условиях все большего напряжения Австрия готовилась к войне против Сербии; из Константинополя был отозван австрийский посол. Но уже в результате переговоров в январе-феврале 1909 г. договоренность с Турцией была достигнута: она признавала аннексию, и Австрия выплачивала 2,5 млн. тур. лир компенсации. Между тем Австрийское правительство уже налаживало переговоры о выступлении Болгарии против Сербии. В срыве военных планов Австро-Венгрии большую роль сыграло дипломатическое вмешательство России, которая обещала болгарскому правительству урегулирование спора с Турцией в обмен на отказ от союза с Австрией⁵⁵. Напряженность достигла своего апогея в марте 1909 г., когда Германия фактически заставила Петербург прекратить поддержку Сербии, а последняя была вынуждена полностью отказаться от своих претензий⁵⁶.

⁵² Виноградов К. Б. Боснийский кризис 1908–1909 гг. С. 74–83.

⁵³ Писарев Ю. А. Реакционная роль католицизма в освободительном движении югославянских народов Австро-Венгрии в 1905–1914 гг. // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1959. Т. VIII. С. 144–149.

⁵⁴ Бестужев И. В. Борьба в России по вопросам внешней политики. С. 230–235, 254.

⁵⁵ Мартыненко А. К. Позиция России в связи с провозглашением независимости Болгарии в 1908 г. // Из истории русско-болгарских отношений. М., 1958. С. 3–112.

⁵⁶ Виноградов К. Б. Боснийский кризис. С. 142–150.

«Дипломатическая Цусима» Извольского продемонстрировала его недальновидность как политика и в то же время явилась очередной иллюстрацией соотношения сил на Балканах: потерявшая в предыдущие десятилетия свои позиции, Россия в начале XX в. могла, в лучшем случае, только сдерживать агрессивные устремления европейских держав; предпринять какие-либо самостоятельные активные шаги ей и на этот раз не удалось. Деятельность МИДа в это время характеризовалась отсутствием твердого курса, зависимостью от конкретной ситуации, постоянными колебаниями и непродуманными планами; роль кабинета была не менее противоречивой⁵⁷. Более удачными оказались действия русской дипломатии в следующий период, во время подготовки Балканского союза.

⁵⁷ Георгиев А. В. Царизм и российская дипломатия накануне первой мировой войны // Вопросы истории. 1988. № 3. С. 58–63.

Подготовка Балканского союза в 1911–1912 гг.

После боснийского кризиса положение на Балканах стало взрывоопасным. Российское правительство постепенно осуществляло взятый в 1908 г. курс на создание союза балканских государств, который рассматривался в качестве преграды австрогерманской экспансии на Ближний Восток. В 1909 г. произошел принципиальный поворот во внешней политике России – она отказалась от идеи реванша на Дальнем Востоке и от идеи похода на Индию для подрыва британских позиций, и сосредоточилась на противодействии Германии и Австро-Венгрии. Осенью 1910 г. в составе дипломатического ведомства произошли перемены: А. П. Извольского на посту министра иностранных дел сменил С. Д. Сазонов, товарищем министра стал А. А. Нератов, а занимавший этот пост Н. В. Чарыков был в 1909 г. направлен послом в Константинополь. Новый министр иностранных дел на протяжении всех шести лет своего управления МИДом последовательно занимал позицию, ориентированную на сотрудничество с Антантой⁵⁸. Что касается Н. В. Чарыкова, его политическая программа состояла в создании всебалканской конфедерации с участием Турции как оплота России против Австро-Венгрии; по прибытии в Константинополь, в начале августа 1909 г. он вел переговоры о встрече Николая II с султаном⁵⁹. В 1911 г. русское правительство снова сочло возможным поднять вопрос о проливах. В октябре 1911 г. Н. В. Чарыков предпринял демарш с целью изменения режима проливов со стороны турецкого правительства. Одновременно ставился вопрос о железных дорогах и установлении прочных добрососедских отношений с балканскими государствами, в том числе с Турцией. Неудача этого предложения, сорванного английской дипломатией, в очередной раз показала невозможность самостоятельных наступательных действий России в отношении Турции⁶⁰.

⁵⁸ Последней крупной попыткой накануне мировой войны войти в соглашение с германским лагерем была встреча Николая II с Вильгельмом II в Потсдаме 4 ноября 1910 г. В ходе переговоров обсуждалось сохранение status quo на Балканах, неприкосновенность балканских государств и Османской империи (*Бестужев И. В.* Борьба в России по вопросам внешней политики. С. 328–336).

⁵⁹ Там же. С. 336–345.

⁶⁰ История дипломатии. Т. II. С. 711–714; Восточный вопрос во внешней политике России. С. 338–345.

С. Д. Сазонов

Вместе с тем итало-турецкая война 1911 г. послужила стимулом, побудившим балканские государства объединиться между собой и начать войну против общего врага – Турции. Русская дипломатия деятельно способствовала образованию такого блока. Полного единства в русских дипломатических кругах по этому вопросу не было. А. П. Извольский стремился создать блок славянских государств; он считал, что Сан-Стефанский договор 1877 г. должен по-прежнему оставаться основой русской политики, но ему следовало претерпеть определенные изменения для удовлетворения интересов Сербии⁶¹. П. А. Столыпин, С. Д. Сазонов и Н. В. Чарыков полагали на том этапе наиболее целесообразным создание всебалканской конфедерации с участием Турции⁶². В конце 1908 – начале 1909 г. в ходе борьбы политических группировок вокруг последствий боснийского кризиса направление политики русского правительства менялось несколько раз. Потерпев неудачу в создании балканского союза с участием Турции, направленного против Австро-Венгрии и Германии, Россия согласилась на формирование блока из христианских государств Балканского полуострова, что было в русле ее традиционной политики в Восточном Средиземноморье⁶³. Идея создания Балканского союза нашла широкую поддержку в среде как неославянофилов, так и публицистов, стоящих на эллинофильских позициях. Желая успеха этому «крестовому походу», профессор Петербургской духовной академии И. И. Соколов связывает его с выполнением традиционной миссии России на Ближнем Востоке⁶⁴.

Работа России над созданием Балканского союза началась 18 апреля 1909 г., когда состоялась встреча сербского короля и болгарского царя. В феврале 1910 г. в Петербург прибыла болгарская делегация во главе с царем Фердинандом и премьер-министром А. Малиновым; предлогом к визиту была благодарность за признание Россией независимости Болгарии. Целью посещения было обсуждение будущих границ Болгарии: заявка болгар на территорию, предусмотренную Сан-Стефанским договором и даже несколько более (Болгария претендовала на Фессалонику, Скопие (Ускюб), Тетово, Адрианополь и восточную границу по линии Энос-Мидия), не была поддержана А. П. Извольским. Переговоры продолжались в Софии, но так и не были доведены до конца. Преемник А. Малинова на посту премьер-министра Болгарии И. Гешов приступил к увеличению личного состава армии и милитаризации страны. В сентябре 1910 г. был выдвинут проект сербско-болгарского смешанного комитета. В 1911 г. возобновились русско-болгарские переговоры о военной конвенции. Дальнейшему укреплению отношений способствовало посещение в августе 1911 г. болгарским князем Борисом Киева, где он присутствовал при открытии памятника Александру II и встречался с Николаем II⁶⁵.

Самым деятельным сторонником сближения Сербии и Болгарии был посланник в Сербии Н. Г. Гартвиг. Говоря о задачах России на Ближнем Востоке, он подчеркивал необходимость для нее встать твердой ногой на берегах Босфора, у выходных дверей «Русского озера», т. е. Черного моря; «облегчить призванным ею к самостоятельной жизни славянским народам достижение их заветных идеалов, что сводится к полюбовному между ними разделу всего турецкого достояния на Балканском полуострове. Осуществить свою собственную веко-

⁶¹ *Војводић М.* Србија у међународним односима крајем XIX и почетком XX века. Београд, 1988. С. 57.

⁶² *Бестужев И. В.* Борьба в России по вопросам внешней политики. С. 336–354.

⁶³ *Милоков П.* Балканский кризис и политика А. П. Извольского. СПб., 1910. С. 54–55. *Helmreich E. Chr.* The diplomacy of the Balkan wars. 1912–1913. Cambridge, 1938. P. 147–151; *Langer W. L.* Russia, the Straits Question and the Origins of the Balkan League // *The Political Science Quarterly*. September 1928. Vol. XLIII. P. 321–363; *Бестужев И. В.* Борьба в России по вопросам внешней политики. С. 278–293; *Зайончковский А.* Подготовка России к мировой войне в международном отношении. М., 1926. С. 214–216; *Stavrianos L. S.* Balkan Federation: A History of Movement towards Balkan Unity in Modern Times. Northampton, 1941; и др.

⁶⁴ *Соколов И. И.* Христиане в Турции // *Церковный вестник*. 1911. № 51–52. С. 1608–1615.

⁶⁵ *Малинов А.* Странички из нашата нова политическа история. Спомени. София, 1938. С. 83–88, 147, 162.

вую историческую задачу»⁶⁶. Несколько более осторожными были его коллеги в Софии А. В. Неклюдов и Л. В. Урусов, опасавшиеся неготовности России к вступлению в войну против центральных сил. В ходе переговоров, поддержанных также Францией, болгарский и сербский министры иностранных дел И. Е. Гешов и М. Милованович договорились о приблизительном разделе территорий: Сербия получала право на территорию к северо-западу от Шар-Планины (Новобазарский санджак, Косово, Метохию и др.), Болгария – на территорию Фракии к востоку от Родоп и р. Струмы. Особенно острые споры вызвали районы Ускюба (Скопие), Велеса и Струги в Македонии. Сербии эта область была нужна для прикрытия будущего выхода к Адриатике и линии Дунайско-Адриатической железной дороги. Для Болгарии на Ускюб и Велес шли наиболее удобные пути в долину Вардара, к центру ее будущих македонских территорий. Так и не договорившись между собой, сербский и болгарский представители согласились на обозначение «спорной зоны», судьба которой подлежала арбитражу России. Накануне подписания договора, в апреле 1912 г., болгарская делегация во главе с председателем Народного собрания С. Даневым отправилась в Ливадию на встречу с Николаем II. 1 мая Данев поехал в Петербург, где встречался с С. Д. Сазоновым. Министр не советовал болгарам начинать активных действий; уклончивым был и его ответ на вопросы касательно Адрианопольского вилайета⁶⁷. Наконец, 13 марта 1912 г. был подписан сербо-болгарский союзный договор; 12 мая союзный договор был дополнен подписанием сербо-болгарской военной конвенции⁶⁸. Заключение сербско-болгарского союза в 1912 г. справедливо расценивается как крупная дипломатическая победа России над Австро-Венгрией на Балканах⁶⁹. Одновременно с сербо-болгарскими происходили и греко-болгарские переговоры – уже без активного участия русской дипломатии, зато не без помощи Англии. Договор был подписан 29 мая 1912 г.; 5 октября состоялось заключение военной конвенции: в случае войны с Турцией Греция выставляла 120 тыс. человек, Болгария – 200 тысяч⁷⁰.

Сыгравшая ключевую роль в формировании балканского союза, Россия, однако, вовсе не желала быстрого начала военных действий⁷¹. В сентябре 1912 г. С. Д. Сазонов через болгарского посланника в Петербурге убеждал софийский кабинет воздержаться от военного выступления и одновременно рекомендовал Порте немедленно приступить к реформам в Македонии. Более того, в начале октября в балканских столицах и в Константинополе русским правительством была вручена декларация, осуждавшая меры, способные нарушить мир. В Петербурге опасались, что война может привести к вмешательству Австро-Венгрии и Германии, а Россия, ослабленная русско-японской войной, по-прежнему не была готова к активным действиям на Балканах⁷².

⁶⁶ Там же. С. 162.

⁶⁷ Гешов И. Е. Балканский союз. Воспоминания и документы. Пг., 1915. С. 35–36.

⁶⁸ Текст договора: Международные отношения эпохи империализма. Т. 19. Ч. II. С. 265–268; Жебокрицкий В. А. Болгария накануне Балканских войн 1912–1913 г. Киев, 1961. С. 165; История дипломатии. Т. II. С. 734–740; Восточный вопрос во внешней политике России. С. 345–349; Helmreich E. Chr. The diplomacy of the Balkan wars. P. 36–68; Маджаров М. Дипломатическая подготовка на наши войни. Спомени, частни писма, шифровани телеграми и поверителни доклади. София, 1998.

⁶⁹ Војводић М. Србија у међународним односима. С. 57.

⁷⁰ Жебокрицкий В. А. Болгария накануне Балканских войн. С. 174–180; Хвостов В. М. История дипломатии Т. II. С. 742–743; Helmreich E. Chr. The diplomacy of the Balkan wars. P. 69–80.

⁷¹ Русские политические партии по-разному толковали положение на Балканах. Если крайние правые были сдержанны и считали, что Россия не должна вмешиваться в войну, то националисты, октябристы и кадеты вели панславистскую агитацию и требовали взятия Константинополя и проливов. Поддержку панславистам оказывали министры А. В. Кривошеин, И. Г. Щегловитов и С. И. Тимашов, а из дипломатов посланник в Белграде Н. Г. Гартвиг. Осторожная позиция С. Д. Сазонова, которую разделял премьер-министр В. Н. Коковцов, вызвала в Петербурге славянофильские демонстрации против министра иностранных дел (Шебушин Л. Н. Россия на Ближнем Востоке. Л., 1926. С. 104; Helmreich E. Chr. The diplomacy of the Balkan wars. P. 153–155; Хвостов В. М. История дипломатии. Т. II. С. 744; Војводић М. Србија у међународним односима. С. 59).

⁷² Писарев Ю. Л. Балканский союз 1912–1913 гг. и Россия // Советское славяноведение. 1985. №. 3. С. 58–69.

Однако результатов декларация не дала: 9 октября военные действия против Турции начала Черногория, 17 октября – Сербия и Болгария, 18 октября – Греция. Турецкие войска быстро терпели поражение на всех фронтах. Продвижение болгарских войск до линии Чаталджи (в 45 км от Константинополя) обострило вопрос о проливах. Это вызвало сильное беспокойство в Петербурге, – русское правительство, с одной стороны, опасалось закрытия проливов для иностранных судов, с другой – не могло допустить занятия болгарами Константинополя. Учитывая проавстрийские настроения царя Фердинанда, возможность международной оккупации Константинополя в случае его падения и военного выступления Австро-Венгрии и Румынии, русское правительство обратилось к Англии и Франции с призывом воспрепятствовать дальнейшему продвижению болгарской армии. Обращение России не было поддержано; напротив, британский кабинет видел в случае занятия Константинополя болгарами возможность осуществить выгодную для Англии международную охрану проливов, что привело бы к господству английского флота в восточном Средиземноморье. 7 ноября британский министр иностранных дел Э. Грей выдвинул проект нейтрализации проливов. Одновременно под предлогом защиты христианского населения с согласия Порты через Дарданеллы вошла союзная англо-французская эскадра. Проект отправки аналогичной русской эскадры через Босфор был отвергнут ввиду материальной необеспеченности подобной операции. Русское правительство, таким образом, настаивало на сохранении Константинополя и проливов в турецких руках, надеясь в будущем при более благоприятных обстоятельствах разрешить вопрос в свою пользу⁷³.

18 октября 1912 г. С. Д. Сазонов сформулировал следующие условия: 1) отказ великих держав от территориальных приобретений на Балканах; 2) признание балканскими государствами принципа равновесия сил, то есть их отказ от междоусобной войны; 3) сохранение за Турцией суверенитета над проливами и полосой территории, обеспечивающей их военную защиту⁷⁴. Пассивная позиция С. Д. Сазонова встретила возражения в Совете министров. На заседаниях 19, 22, 29 ноября и 5 декабря 1912 г. обсуждался вопрос о боеспособности российской армии. Военный министр В. А. Сухомлинов ориентировал правительство на войну; его поддерживали панслависты, руководители военной партии во главе с в. к. Николаем Николаевичем и министры А. В. Кривошеин, С. И. Тимашов и И. Г. Щегловитов⁷⁵. Выжидательное направление, однако, снова взяло верх.

В ноябре 1912 г. сербские войска вышли на Адриатическое побережье, что встретило сильное противодействие Австро-Венгрии; чтобы помешать созданию крупного южнославянского государства, Австро-Венгрия совместно с Италией выдвинули проект независимой Албании, которая должна была стать их орудием в борьбе против сербов и поддерживавшей их России. 3 декабря 1912 г. было подписано перемирие, а 17 декабря открылась конференция послов в Лондоне под председательством Э. Грея, которая была призвана подвести итоги Балканской войны. Инициатором созыва конференции была Россия, заинтересованная в скорейшем завершении войны. Кроме того, Россия надеялась сколотить новый союз балканских государств, включая Румынию, что должно было помочь ей в борьбе против центральной коалиции и решить проблему проливов⁷⁶.

⁷³ Там же. «Общий интерес сохранения безопасности Константинополя требует удержания защитной зоны под реальным суверенитетом султана. Зона определяется линией от устья Марицы, включая Адрианополь, к Черному морю», – так формулировал С. Д. Сазонов желательные условия мира на Балканах (телеграмма русским представителям за границей от 20 октября 1912 г.). Цит. по: *Шебушин А. Н.* Россия на Ближнем Востоке. С. 106–107.

⁷⁴ *Писарев Ю. Л.* Балканский союз 1912–1913 гг. и Россия. С. 66.

⁷⁵ *Он же.* Россия и международный кризис в период первой балканской войны (октябрь 1912 – май 1913 г.) // История СССР. 1986. № 4. С. 56–67.

⁷⁶ *Он же.* Балканы между миром и войной (Лондонские конференции 1912–1913 гг.) // Новая и новейшая история. 1984. № 4. Июль–август. С. 63–75.

Новый поворот событий с наступлением болгарской армии в направлении Константинополя в конце марта 1913 г. вызвал разногласия у держав: Англия была против взятия болгарскими Чаталджи и предложила ввести в проливы международный флот; Франция, желая воспрепятствовать появлению России в проливах, предложила коллективную морскую демонстрацию; Австро-Венгрия открыто заявила, что не возражает против занятия болгарскими войсками Константинополя, что, по ее расчетам, должно было довести Болгарию до краха. Русское правительство, не находя благоприятной возможности для захвата проливов, уговорило болгар заключить перемирие и воздержаться от взятия Чаталджи; взамен была обещана помощь в разделе Македонии⁷⁷. В целом усилия России на этом этапе были направлены на примирение между собой балканских государств, в первую очередь Сербии и Болгарии. 30 мая 1913 г. был подписан лондонский мирный договор, согласно которому Турция уступила своим противникам европейские владения по линии Энос-Мидия; Адрианополь вошел в состав Болгарии, Фессалоника, Эпир и Крит отошли к Греции. Нерешенным оставался вопрос о занятых греками островах Лемнос, Тенедос и Имврос, находящихся у входа в Дарданеллы, а также о статусе Афона⁷⁸.

Итоги первой Балканской войны, однако, не удовлетворили болгарское правительство: подстрекаемый Австро-Венгрией, Фердинанд 29 июня 1913 г. начал новую войну против своих бывших союзников, которая окончилась полным поражением; Турция заняла Адрианополь, а Румыния – южную Добруджу; порт Кавала переходил к Греции; территория Сербии увеличилась на 39 000 км². Результаты войны были закреплены Бухарестским договором между Болгарией, Грецией, Сербией, Черногорией и Румынией (подписан 10 августа) и Константинопольским договором между Болгарией и Турцией (26 сентября). Требование России оставить в руках Болгарии порт Кавалу, выдвинутое на бухарестской конференции в августе, не было поддержано Францией. Распад Балканского союза явился тяжелым для России итогом Балканских войн; начало второй Балканской войны расценивалось как крупный неуспех русской дипломатии⁷⁹. Однако и без того было ясно, что Балканский союз вряд ли мог быть долговечен. Как писал А. П. Извольский, «вторая Балканская война избавила нас от весьма тяжелой обязанности взять на себя разверстку Македонии между союзниками. Задача эта была абсолютно неразрешима и поссорила бы нас разом со всеми Балканскими государствами»⁸⁰.

Создание Балканского союза, в результате которого почти весь полуостров был освобожден от турецкого владычества, конечно, было важным достижением русской дипломатии. Однако потеря позиций в ходе лондонских конференций и очевидное поражение русской политики в итоге второй Балканской войны свело на нет этот успех и заставило политических обозревателей отрицательно расценивать все действия правительства в период 1912–1913 гг. Славянофильская и националистическая пресса обвиняла правительство в нерешительности и неспособности доводить дело до конца. Главная ошибка России заключалась, на их взгляд,

⁷⁷ *Војводић М.* Србија у међународним односима. С. 59–61.

⁷⁸ *Гошев А.* Балканските войни. Т. II. София, 1931. С. 483–484; *Жебокрицкий В. А.* Болгария в период Балканских войн 1912–1913 г. Киев, 1961. С. 117–120; Ход заседаний лондонской конференции подробно изложен в кн.: *Helmreich E. Chr.* The Diplomacy of the Balkan Wars. P. 249–340. См. также: Сборник дипломатических документов, касающихся событий на Балканском полуострове (август 1912 – июль 1913). СПб., 1914; *Хвостов В. М.* История дипломатии. Т. II. С. 750–754.

⁷⁹ Восточный вопрос во внешней политике России. С. 349–367; История дипломатии. Т. II. С. 754–759.

⁸⁰ А. П. Извольский – С. Д. Сазонову. 1 (14) августа 1913 г. Цит. по: *Жебокрицкий В. А.* Болгария в период Балканских войн. С. 226. Балканские войны получили широкий резонанс в России, особенно среди публицистов-славянофилов, причем их результаты оценивались в зависимости от симпатий автора той или другой народности. Одни обвиняли русское правительство в недостаточной решительности, другие понимали невозможность сохранения Балканского союза; одни укоряли правительство в том, что оно не оказало должной поддержки болгарам, другие – что мало поддержало сербские требования. См.: *Бауер О.* После Балканской войны // Современник. 1913. № 6. С. 214–225; *Водовозов В.* Балканская война и Россия // Современник. 1913. Кн. 11. С. 264–271 (проболгарская позиция); *Якушкин В.* Балканские войны и их результаты. М., 1914; *Табурно И. П.* Вопрос о распределении завоеванной у Турции территории между Болгарией и Сербией. СПб., 1913 (просербская позиция); и др.

в том, что она не вмешалась в войну и не оказала действенную помощь союзникам⁸¹. «Россия потеряла свой престиж на Балканском полуострове и особенно в Болгарии – вот одно из немаловажных последствий двух последних войн на Балканском полуострове,» – писал в конце 1913 г. один из журналистов-славянофилов. Внешним выражением перемены в болгарском обществе было падение русофильского кабинета С. Данева и замена его проавстрийским правительством В. Радославова. Единственной реальной выгодой, полученной Россией от ее политики, рассматривался факт невступления болгар в Константинополь, ценность которого также вызывала сомнения. «Таким образом, – продолжал тот же автор, – балканская политика России в последние два года едва ли не должна быть признана грубой ошибкой даже с точки зрения самой русской дипломатии; еще строже должна быть ее оценка, если мы будем оценивать ее с точки зрения общих интересов цивилизации и культуры»⁸². Как сложную и неблагоприятную для России склонен оценивать ситуацию на Балканах, сложившуюся в итоге обеих войн, и современный исследователь⁸³.

Балканские войны явились лишь прологом к Первой мировой войне. Получив освобождение от Турции, балканские народы не разрешили внутренних противоречий, а великие державы не получили удовлетворения своих амбиций – восточный вопрос так и не был разрешен. Как показывают документы конца 1913 – начала 1914 г., российский МИД, а также военное и морское ведомства по-прежнему считали, что страна не готова к широкомасштабным вооруженным действиям против Турции. С. Д. Сазонов высказывался против войны с Турцией и за сохранение ее власти над проливами и Константинополем. 23 ноября 1913 г. С. Д. Сазонов представил Николаю II доклад о необходимости готовиться к борьбе за проливы. В это время германские офицеры занимались реорганизацией турецкой армии, а Англия помогала восстанавливать флот, что представляло крайнюю опасность для России. Турция недолговечна, говорилось в этом документе. «Проливы в руках сильного государства – это значит полное подчинение экономического развития всего юга России этому государству. [...] Кто завладеет проливами, получит в свои руки не только ключи морей Черного и Средиземного. Он будет иметь ключи для поступательного движения в Малую Азию и для гегемонии на Балканах». Поэтому необходимым является, продолжал Сазонов, усиление российских военно-морских сил в Черном море, которое позволило бы в любую минуту предупредить занятие проливов всякой иной державой⁸⁴. 21 февраля 1914 г. в Петербурге состоялось очередное совещание по вопросу проливов под председательством С. Д. Сазонова. На нем рассматривалась возможность десантной операции; удар предполагалось отложить до 1916 или 1917 г.⁸⁵ Вместе с тем в задачи России входило создание жизнеспособных славянских государств на Балканах, которые стали бы ее союзниками. Рост русофобских настроений в Болгарии, обвинявшей Россию в своих неудачах в войне и в отказе допустить болгарскую армию в Константинополь, привел к тому, что опорой России на Балканах, наряду с неизменно дружественной Черногорией, оставалась Сербия. Именно ее русские политики в 1913–1917 гг. считали потенциальным ядром сильного единого славянского государства в регионе. Как писал начальник первого отдела МИДа А. М. Петряев, программой максимум российского правительства будет создание «великой Сербии» – единого Сербо-Хорватского государства⁸⁶. Месяцы, разделявшие Бухарестский

⁸¹ Россия на Ближнем Востоке // Московские ведомости. 16 (29) января 1914 г. № 12.

⁸² Водовозов В. Балканская политика и Россия // Современник. 1913. Кн. 11. С. 271.

⁸³ Писарев Ю. Л. Балканский союз 1912–1913 гг. и Россия. С. 67.

⁸⁴ Шебушин Л. Н. Россия на Ближнем Востоке. С. 108–111.

⁸⁵ Војводић М. Србија у међународним односима. С. 65.

⁸⁶ Писарев Ю. А. Югославянский вопрос в балканской политике России в 1913–1915 гг. (По неизданным и малоизвестным документам) // Исследования по истории стран юго-восточной Европы в новое и новейшее время. Кишинев, 1983. С. 108–120; см. также: Хвостов В. М. История дипломатии Т. II. С. 772–773; Восточный вопрос во внешней политике России. С. 378–383.

договор и начало Первой мировой войны, МИД посвятил усилиям склонить правительства балканских государств на сторону Антанты. Было очевидно, что новая война неизбежна.

В целом русская политика 1900-1910-х гг. на Ближнем Востоке вообще и на Балканах в частности характеризуется пассивностью и несамостоятельностью. Связанное соглашениями с Австро-Венгрией, занятое русско-японской войной и революцией, в период до 1908 г. русское правительство тщательно избегало вмешательства в конфликты и прикладывало все усилия к сохранению status quo на Балканах. В 1909–1912 гг., продолжая линию на сохранение неприкосновенности Османской империи, которая доминировала после 1878 г., и не пускаясь в рискованные военные авантюры, Россия, тем не менее, «повернулась лицом к Ближнему Востоку»: МИД приступил к созданию блока балканских государств. Действия дипломатии в этом направлении увенчались успехом, и к 1914 г. Россия, как и другие великие державы, оказалась перед новой картой Балканского полуострова. Однако все политические комбинации, предпринимавшиеся русским правительством на Балканах, служили одной цели: подготовке почвы для решения восточного вопроса. Первостепенной для русской политики начала XX в. оставалась проблема проливов и Константинополя. От дипломатических и военных действий в ходе Первой мировой войны зависело окончательное решение восточного вопроса.

Византийское наследие в русской общественно-политической мысли начала XX в.

Внешнеполитическая концепция России на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. основывалась на одной общей идее – объединения православного мира во главе с Россией. Эта неовизантийская политическая идеология, теория Третьего Рима в условиях Нового времени, формируется во второй половине XVII в., когда впервые встал вопрос о выходе России к Черному морю. После азовского похода Петра I и особенно победоносных войн Екатерины второй половины XVIII в. целью устремлений России в южном направлении стало овладение Константинополем и утверждение на берегах проливов Босфора и Дарданелл. Владение проливами было необходимо России как для безопасности южных рубежей страны, так и для гарантии свободной торговли в Средиземноморском бассейне. Путем к достижению этой цели было преобладание России на Балканском полуострове.

Военно-политические задачи нашли благоприятную почву в идеологии. Для России это была старая идея восстановления Византийского царства, господствующего над всем православным миром, над всей ойкуменой; только центром этого мира теперь становилась Российская империя и ее столица⁸⁷. Концепция Третьего Рима, начало которой было положено иноком псковского Елеазарова монастыря Филофеем в XVI в. и имевшая поначалу чисто эсхатологический характер, гласила, что после падения второго Рима-Константинополя в мире останется только одно православное царство – Московское. Россия – единственная хранительница истинной православной веры, а ее столица призвана стать Третьим Римом, центром христианской ойкумены. На этой идее основывалась вся русская философия истории до середины XX в.⁸⁸. Провозглашение московского патриаршества в 1589 г., в котором русские усматривали непосредственное преемство с Византией, и царское коронование Ивана Грозного, признанное в 1560 г. восточными патриархами, явились актами, утверждавшими за Московской Русью авторитет прямой наследницы Византийской империи. Дальнейшему развитию этих взглядов способствовали постоянные поездки представителей восточного духовенства за материальной помощью в Россию в XVI и особенно в XVII в. С XVII в. Россия рассматривалась православными христианами Османской империи как их будущая освободительница от турецкого ига; более того, некоторые иерархи добровольно помогали русскому правительству, доставляя сведения военно-политического характера (самым известным из них был иерусалимский патриарх Досифей)⁸⁹.

Мечты об освобождении силой русского оружия, бытовавшие на Востоке поначалу только в пророчествах и народных песнях, с XVIII в. обрели практическое воплощение в сов-

⁸⁷ Идея Третьего Рима, которая приобрела политическое значение для России в XVII в., при Петре I была подчинена западной доктрине империи. В XIX в. русские историософы пытались привести обе идеи в гармонию. Что касается русских политиков имперского периода, то большинство из них не задумывались над смыслом теории, но только использовали ее чисто инструментально.

⁸⁸ Из обширной литературы по истории идеи «Третьего Рима» укажем только: *Синицына Н. В.* «Третий Рим». Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998.

⁸⁹ История отношений России с православным Востоком в XVI–XVII вв. и формирование византийской политической идеологии на русской почве подверглись систематическому изучению московским профессором Н. Ф. Каптеревым: *Каптерев Н. Ф.* Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Изд. 2. Сергиев Посад, 1914; *Он же.* Сношения иерусалимского патриарха Досифея с русским правительством (1667–1707 гг.). М., 1891; *Он же.* Сношения иерусалимских патриархов с русским правительством с половины XVI до конца XVIII столетия. СПб., 1895. Идеи Каптерева нашли развитие в новейших исследованиях: *Фонкич Б. А.* Греческие рукописи и документы в России. М., 2003; *Капитанов С. М.* Россия и греческий мир в XVI веке. М., 2004; *Ченцова В. Г.* Икона Иверской Богоматери (очерки истории отношений греческой церкви с Россией в середине XVII в. по документам РГАДА). М., 2010; *Чеснокова Н. П.* Христианский Восток и Россия. Политическое и культурное взаимодействие в середине XVII века. М., 2011; *Панченко К. А.* Иерусалимский патриарх Парфений (1737–1766) и Россия: непонятый союзник // Вестник церковной истории. 2010. № 3–4. С. 271–285.

местных действиях русской армии и флота во время средиземноморских кампаний. Триумфом ближневосточной политики России были победоносные войны второй половины XVIII в., в результате которых она не только приобрела большие территории по Черному морю, но и заключила Кючук-Кайнарджийский договор 1774 г., согласно которому впервые получила официальное право покровительства православному населению Османской империи, то есть право открыто вмешиваться во внутренние дела Турции. Греческий проект Екатерины II был первым полумифическим-полуреальным планом восстановления Византийского православного царства⁹⁰.

В соответствии с заявкой России на восстановление Византии и освобождение христиан Османской империи, главной опорой ее ближневосточной политики являлась православная церковь. Поддержка православия на Востоке стало знаменем русской политики в этом регионе вплоть до начала XX в., а опора на греческую и славянскую иерархию и общая вера с широкими слоями многонационального православного населения Османской империи являлась идеологическим оружием этой политики, – оружием, которого не было ни у одной из конкурировавших с Россией европейских держав. Поэтому ближневосточная политика Российской империи вплоть до революции 1917 г. носила в значительной мере религиозный по форме характер, и церковная составляющая была ее стержнем. Начала православия, самодержавия и народности, провозглашенные в качестве официальной доктрины Российской империи в первой половине XIX в., в полной мере были применимы к ближневосточной политике страны с XVIII в., с той поправкой, что понятие народности заменялось понятием всепра-вославного единства единоверных народов.

Успех этой политической концепции был основан на организации жизни немусульманского населения Османской империи. Еще со времен османских завоеваний на Ближнем Востоке все немусульманские народы объединялись в миллеты – административные единицы по этническому признаку и, прежде всего, принципу вероисповедания. Каждый миллет пользовался внутренним самоуправлением. Православное население входило в так называемый Рум миллети, или греческую (ромейскую) общину, подчиненную Константинопольскому патриарху. Централизация церковного управления была выгодна туркам и совпадала с интересами греков; вследствие этого славянское и арабское православное население империи постепенно эллинизировалось. Патриарх стал этнархом, вождем своего народа, он сосредоточил в своих руках власть как духовную, так и гражданскую, и тем самым было ликвидировано двоевластие императора и патриарха, имевшее место в Византии. Православная община жила по законам византийского права, а патриарх отвечал перед Портой за законопослушность своей паствы. Таким образом, Вселенский патриархат в Османской империи был своего рода полуавтономным «государством в государстве»⁹¹. С ростом национального самосознания и подъемом освободительных движений Балканского полуострова понятия нация и вероисповедание были идентичны, вследствие чего национально-политические и национально-религиозные вопросы не разделялись. Следует отметить, что понятие народного, которое употребляли русские политики, отличалось от европейского понятия национального, воспринятого балканскими народами в XIX в. Церковь становилась знаменем и орудием политической борьбы, в которой духовенство принимало самое деятельное участие. Таким образом, в задачи русской политики входило поддерживать православие в лице его духовенства и народа и создавать себе почву

⁹⁰ Hosch E. Das sogenannte «griechische Projekt» Katharinas II // *Lehrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1964. Bd. 12. S. 168–206; Маркова О. П. О развитии так называемого «греческого проекта» (80-е гг. XVIII в.) // *Вопросы методологии и изучения источников по истории внешней политики России*. М., 1989. С. 5–46; Ари Г. А. Предыстория греческого проекта // *Век Екатерины. Дела балканские*. М., 2000. С. 209–213; Стегний П. В. Еще раз о греческом проекте Екатерины II. Новые документы из АВПРИ МИД России // *Новая и новейшая история*. 2002. № 4. С. 100–118.

⁹¹ Подробнее об этом см.: Соколов И. И. Константинопольская церковь в XIX в. СПб., 1904.

для будущего формирования, по мере ослабления и распада Турции, союза восточно-христианских народов под предводительством России и ее императора.

Эта политическая схема уже в конце XVIII – начале XIX в. встретила противодействие со стороны других европейских держав, имевших свои экономические и политические интересы в восточном Средиземноморье, – Англии, Франции и Австрии. С Австрией, которая предъявляла непосредственные территориальные претензии на западную часть Балканского полуострова, пыталась договориться еще Екатерина II в ходе переговоров по греческому проекту В начале XIX в. противостояние держав приобрело четкие формы: задачей европейских правительств было не допустить Россию до преобладания на Балканах и в проливах, которые были торговым и стратегическим путем на Восток. Чтобы обеспечить себе тыл на Балканах, державы использовали подъем национальных движений христианских народов для того, чтобы разъединить их и ориентировать не в сторону России, а в сторону Запада. Для этого использовались разные методы – материальная, военная помощь, деятельность политических агентов, а также католический и протестантский прозелитизм, имевший к тому времени богатый опыт на территории Турции.

К началу XIX в., казалось, все было подготовлено для последующего постепенного наступательного продвижения России в сторону Константинополя. Именно в России получила начало и финансовую поддержку греческая революционная организация Филики Этерия. В это время русская политика на Ближнем Востоке совершила крупную ошибку: Александр I, верный идеям Священного союза, не поддержал греческого восстания 1821 г. и тем самым отвратил симпатии греков от России. Этого ждала британская политика, которая, напротив, оказала самую деятельную помощь греческой революции. Молодое греческое государство было в значительной степени ориентированным на западные державы, и его правительство, особенно во второй половине XIX в., придерживалось профранцузского, а затем пробританского курса⁹². При Николае I восточная политика вышла из состояния стагнации, однако излишнее доверие союзам с европейскими правительствами и здесь сыграло свою отрицательную роль.

Крымская война 1853–1856 гг., поводом к которой опять-таки послужила защита интересов православия на Ближнем Востоке, явилась переломным событием в истории восточного вопроса. Поражение в Севастополе было во многом и крушением великодержавных амбиций России на Ближнем Востоке. После 1856 г. Россия, лишенная своего черноморского флота, в значительной степени потеряла и авторитет среди христиан Османской империи. Десятилетия после Крымской войны были для России временем восстановления утраченных позиций. Деятельность дипломатии, в том числе посла в Константинополе Н. П. Игнатьева, подготовила почву для будущих попыток решения восточного вопроса военным путем. Победоносная русско-турецкая война 1877–1878 гг. привела к созданию полунезависимого Болгарского княжества, которое должно было стать опорой русской политики на Балканах. Вместе с тем Берлинский конгресс 1878 г. показал со всей очевидностью, что Россия не имеет возможности воспользоваться плодами своих побед и проводить на Ближнем Востоке самостоятельную политику; западные державы не допустили создания сильного большого южнославянского государства под русской эгидой. В этом в очередной раз сыграла свою негативную роль непоследовательность русской внешней политики и старание дипломатии угодить западным державам.

⁹² Ари Г. А. Этеристское движение в России. М., 1970; Петрушина О. Е. Греческая нация и государство в XVIII–XX вв. С. 223–370.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.